

Часть III

Глава 1

Война

Голубое небо отражалось в воде, и если бы зеленый лес не обрамлял Каму, можно было подумать, что у неба и реки нет границ. Воздух июньского дня был полон запахом нагретой под солнцем хвои сосен, ароматом полевых цветов.

Ребята третьего детского дома, весело переключаясь, бежали на свое излюбленное место: где река Очер впадала в Каму. Сегодня, 22 июня, здесь намечался большой праздник, он назывался: «За детство счастливое наше спасибо, родная страна!». Это так ежегодно воспитанники отмечали окончание учебного года.

Вера трогала рукой головки синих колокольчиков, ее пальцы ласково щекотала пушистая полевая гвоздика. «Хорошо-то как!» - шептала девушка и радовалась простору, солнечному дню и тому, что она вновь со всеми в своей родной семье.

- Не смей жалеть себя, что ты на костылях,- говорила ей Клавдия Владимировна.- Запомни: ты такой же человек, как все. Спрашивай с себя по большому счету.

...Лучшим ученикам вручали подарки. Первым назвали Аркадия Шокальского, отлично закончившего десять классов. Ребята искренне желали ему успеха в будущем и горячо аплодировали, когда Аркадию от детского дома вручили отрез на костюм.

Вера Шторц в этом, 1941-м, закончила восьмой класс, ее фамилия тоже была названа на празднике в числе лучших учеников.

После торжественной части на траве расстелили белые простыни, которым предназначено было послужить скатертями на праздничном столе.

Обед на свежем воздухе удался на славу, и целый день на Очере царил веселье.

С песнями, с букетами цветов возвращались под вечер ребята домой. И слова, сказанные им первыми встретившимися оханцами, не дошли сразу до сознания. «Война! Война, милые!» - говорила тихо какая-то старушка, а из глаз ее текли слезы. Вера, только что смеявшаяся с подругами, не могла вот так сразу понять, почему плачет эта женщина, почему смотрит на них, как будто жалея, как будто не с ней, а с ними случилось что-то страшное.

Только уже у себя в интернате смысл слова «война» дошел до ребят. Они еще не знали, не понимали, что в этот день оборвалось их детство, но чувствовали, что жить так, как жили, они больше не будут. В их жизнь вошло что-то суровое, жестокое.

Глава 2

Аркадий

Аркадий Шокальский мечтал после школы ехать в Москву и поступать в художественное училище. Заранее туда направил документы. В том числе и характеристику. Писала ее воспитательница старшей группы. Его незаурядные способности в искусстве не мешали ему быть умелым организатором. Аркадий был избран секретарем комитета ВЛКСМ детских домов Оханска. Также он был председателем детского совета при детдоме №3. Ребята уважали его и верили ему. Он был им настоящим другом, товарищем. И что можно было написать плохого об этом юноше?! Но если тебе верят – значит, ты должен быть справедливым и принципиальным. А это не всегда легко. Аркадий однажды увидел, что воспитательница берет себе вещи, принадлежащие детскому дому, точнее, кое-что из одежды и обуви. Он ей прямо сказал, что так делать нельзя. И слова о том, что яйцо курицу не учит, пропустил мимо ушей. Он же отстаивал справедливость. Вещи остались в детском доме. Но недоброе чувство затаилось в душе у взрослого человека и проросло однажды. В характеристике Аркадию она написала то, что никогда, по неписанному закону, не писали в детском доме никому: «из семьи репрессированных...». А время было такое, что вход в Московское училище ему оказался закрыт. Без всяких экзаменационных испытаний. Тогда, на празднике 22 июня, он еще не определил для себя, что будет делать дальше. Строчки приказа, который в середине июля подписывал уже не Павел Иванович Кондрашов, ушедший на фронт, гласят: «Воспитанника Шокальского считать выпущенным из детского дома в город Златоуст в военно-инженерное училище». А через месяц новый приказ: «Расходы, связанные с поездкой воспитанника Шокальского Аркадия в Златоустовское военно-инженерное училище, в сумме 75 рублей, последнему возместить». Что произошло? Снова повлияло прошлое? Сейчас этого уже не узнать. Знаем одно: Аркадий по возвращению сразу же принимает решение: идти добровольцем на фронт.

А.Шокальский

Перед отправкой Аркадий пришел в интернат к Тоне, своей младшей сестре, присел рядом:

- Тона, ты старайся учиться. Это в твоей жизни сейчас самое главное. Получишь образование – будет у тебя и работа. И будь сильной, сестренка!

...Лена, старшая из троих Шокальских, плакала. Ее в то время уже не было в детском доме, она, окончив фармацевтическое училище, начала работать по специальности. Но, узнав, что брат уходит на войну, не смогла сдержать слез. Сколько потерь родных ей людей пришлось пережить! Рубцы в сердце нет-нет, да и заболят. А тут новая тревога. Она радовалась успехам Аркадия и не могла представить, как его руки, привычные к кисти, струнам, перу, возьмут тяжелую винтовку. «Мы с Аркадием учились в одном классе,- вспоминала она впоследствии. - У него была исключительная память. Давалось ему все легко. Например, иностранный язык. Когда он учился в 9-10 классах, ему доверяли проводить уроки немецкого языка в пятых классах. В детдоме он был зачинщиком всех интересных дел. Хорошо рисуя, писал плакаты, заголовки стенных газет и художественно их оформлял. Стенные газеты нашего детского дома №3 всегда занимали первые места. Он рисовал портреты на полотне: Пушкина, Ленина. Эти портреты вместе с другими рисунками возили в областной центр на выставку. Мальчишки уважали Аркашу. Он мог разрешить любой спор. Бывало, его звали в старшие классы помочь решить задачу. А как он хорошо играл на мандолине и гитаре!.. Если бы он был жив, сколько бы мог сделать с его умом, энергией!»

«В последний раз я видела Аркадия, - продолжала свои воспоминания Елена Александровна,- в 1941 году в Перми, когда он, вызвавшись идти на фронт, был направлен в Березники в военное училище (училище туда было эвакуировано). Окончил его по ускоренной программе в звании младшего лейтенанта. С фронта от него пришло лишь одно письмо. Он писал, что ходил в бой и стал совсем седым... Еще ведь мальчишка и – седой! «Ленуська, прощай!- заканчивал он письмо.- И Тоньку поцелуй за меня. Вы ведь у меня одни такие хорошие. У нас приказ «Ни шагу назад». Понимаешь? Да ты ведь все всегда понимаешь, сестренка. Мы выполним этот приказ...».

Антонине Александровне Щукиной, или Тоне Шокальской, запомнился день прощания с братом. Он был удивительно солнечным. Их, совсем еще юных, отправляли по реке. «Помню такой пароход с большими колесами, и на палубе его – наш Аркадий. Смеялся, шутил. Несмотря на поэтическую душу, он был сильным человеком... Я смотрела на брата, пока можно было различить его фигуру на удаляющемся пароходе. Больше я его не видела никогда».

Аркадий Шокальский погиб, защищая Сталинград.

Глава 3

Вставай, страна огромная!

Шестнадцатилетние мальчишки, девочки, которые закончили десятилетку, мечтавшие о вузах и техникумах, переменили свое решение. Более восьмидесяти человек пошли на фабрики и заводы области, чтобы встать на место тех, кто в первые же дни Великой Отечественной войны были призваны с оружием в руках защищать Отчизну. Юноши, которые уже подошли по возрасту, поступили в военные училища. На фронт из Оханских детских домов ушло 38 сотрудников. Среди них директор третьего детского дома П.И.Кондрашов, воспитатели В.П.Кузнецова, А.Г.Власова, А.Н.Аверина, К.М.Дурыманова, М.А.Красильникова, Н.В.Муравьев, К.И.Горбунова, старшая пионервожатая З.Ф.Майских, инструктор по труду В.И. Тетерин. На их место встали старшие девочки-воспитанницы, в их числе Тоня Марфуткина, Нина Мацанова (остается на некоторое время заведующей библиотекой) и Вера Шторц. Днем они были воспитателями, ночью – нянями, а еще им нужно было быть ученицами: они не бросали школу, продолжая обучение. В 1942 году Вере Шторц, которая еще руководила и рукодельным кружком, вменяют в обязанности «ведение работы по библиотеке».

С кадрами в детском доме стало сложно. Все рабочие хозяйства, мастеровских, инструкторы по труду, воспитатели – мужчины уходят на фронт. В это первое военное лето приходит в детский дом Вероника Борисовна Осипова, дочь Валентины Михайловны Осиповой, всю трудовую жизнь отдавшей детскому дому. Работает она несколько месяцев заведующей учебной частью, потом уезжает на учебу в пединститут. Но именно здесь она начинает свою педагогическую деятельность, которой тоже потом посвящает всю жизнь. Кстати, в 1942 году Вероника Борисовна (по путевке облоно) работает воспитателем во втором интернате у К.В.Костроминой. Но недолго. Вскоре ее переводят на работу по специальности в Оханское педучилище.

* * *

Как черная тень, проходит по и так тяжелым военным годам волна арестов. Снова поиски «врагов народа»? Или «германских шпионов»? Взят под стражу заместитель директора Д.А.Подаров. Руководитель

духового оркестра Т.А.Преловский переведен рабочим в подсобное хозяйство, потом - конюхом и затем взят под арест. Арестована инструктор по швейному делу В.Ф.Дружинина. А ведь совсем недавно и Преловского, и Дружинину премировали за хорошую работу. Правда, через год Варвара Филипповна возвращается в детский дом, и ее принимают на то же место – инструктором швейной мастерской. Судьба Преловского неизвестна.

* * *

Пионерская и комсомольские организации детского дома со второго дня войны объявили себя мобилизованными. Лозунг «Все для фронта, все для победы!» стал и их лозунгом. Хорошей учебой, ударным трудом в колхозах, в мастерских воспитанники стремились внести свой вклад в борьбу с ненавистным фашизмом. В пионерских отрядах шло соревнование, выпускались боевые листки, где сообщалось о положении на фронтах и о делах в детдоме. Если в мирное время двойка была ЧП, то теперь она считалась просто позором.

Мальчики Валентин Бобров, Сергей Скобелев, Павел Чердынцев, Андрей Малайцев стали работать трактористами. Они обрабатывали землю детского дома, а также помогали колхозам района.

В детский дом писали бывшие его воспитанники, которые уже работали, учились. Они сообщали, что бросают учебу, работу и добровольцами уходят на фронт. Это были Мария Казаполянская, Геннадий Яруничев, Александр Иванов, Василий Фомин, Иван Казак и многие другие.

Оханский третий детский дом, возглавляемый с июля 1941 года Еленой Касьяновной Воробьевой, назначенной приказом районо (образование она имела среднее, стаж педагогической работы – с 1928 года), 28 августа 1941 года принял первых 60 детей, эвакуированных из Московского детского дома. Позже стали поступать дети Украины, Белоруссии, Калининградской и Смоленской областей, из блокадного Ленинграда.

«Многие дети были найдены на фронтовых дорогах, в разрушенных домах и подвалах. Иные ходили на маленьких старичков. Слабые, с прозрачными личиками и потухшими глазами. Это были блокадные дети. Почти у всех один и тот же диагноз: дистрофия, - пишет в своих воспоминаниях

Е.К.Воробьева

бывшая воспитанница Е.Ворошина.- Первое время, пока дети не могли самостоятельно передвигаться, их на руках выносили погреться на солнышке. А зимой запаривали для них хвою деревьев».

«Они не бегали, не смеялись,- вспоминала В.Р.Шторц.- Наши мальчишки и девочки, порой такие непослушные, дерзкие, были ласковы с вновь прибывшими, и за обедом, ужином старались подложить им самый лакомый кусочек. Старшеклассники по собственному почину стали брать шефство над ними. Они старались вовлечь детей в дела детского дома и радовались, когда удавалось заинтересовать или рассмешить какого-нибудь малыша. Постепенно маленькие сердечки новеньких стали отдавать, но тоска по дому, по родным не уходила очень долго».

У Зины Бугеовой в документах было написано: «Фашисты на глазах у девочки повесили ее мать». От перенесенного нервного потрясения Зина сильно заикалась, настолько, что не могла говорить. Воспитатели стремились вокруг нее создать спокойную, доброжелательную обстановку. Заранее поговорили с учителями, чтобы в школе случайно не нанесли травму девочке. Учителя пошли навстречу – занимались с Зиной дополнительно, спрашивали ее после уроков. В детском доме ребята старались втянуть ее в свои пионерские дела. Постепенно Зина отошла, стала более общительной, хорошо училась.

А светловолосая маленькая девочка, которую потом называли Галей, вообще ничего не могла сказать. Воспитатели терпеливо спрашивали о ее имени, о дне рождения. Но она молчала. Она не могла рассказать то, что неотступно стояло перед глазами.

...Бомба с фашистского самолета попала в их дом. На счастье ее мама, маленький братик и она были на улице. Мама схватила их за руки, и они все вместе побежали к окопу, чтобы спрятаться от бомб и снарядов. Но, прыгнув в окоп, они наткнулись на немцев. Маму расстреляли в упор. А их, как котят, вышвырнули наружу...

От испуга, от пережитого девочка забыла, как звали маму, братика. Забыла она и свое имя. В детском доме ей дали новое имя – Галя, фамилию – Ваулина. Поставили, примерно, по виду, возраст.

И таких детей с судьбой Зины, Гали было немало. Воспитатели не раз, не два вскакивали ночью от детского крика, плача. Война преследовала этих детей и ночью.

- Мама, мамочка! Самолеты! Они опять летят! Бомбы! Смотри, они бросают на нас бомбы!..

- Миша, успокойся. Ты дома. Ничего тебе не грозит,- Вера поправляла

мальчику подушку, укрывала его одеялом и садилась рядом на кровать, потому что не в силах была оторвать от себя эти худенькие горячие ручонки, судорожно прижимавшие к себе ее руку.

Всего за годы войны Оханский детский дом №3 принял 385 эвакуированных детей.

Молодым девушкам-воспитателям приходилось нелегко. К примеру, некому для детдома было заготавливать дрова (мужчины все ушли на войну), приходилось самим. А ведь им было всего лишь 18-20 лет. Выходили в лес с ручными пилами. «Начнем пилить дерево, и не знаем, куда оно упадет», - рассказывали потом девчата. Ловили бревна и в Каме. Стояли по пояс в холодной августовской воде и вытягивали, а вернее, тянули, толкали изо всех своих силенок скользкие, тяжелые бревна. Им помогали старшие воспитанники. О простуде не думали. Но если она появлялась, у Клавдии Владимировны Костроминой на этот случай было свое средство – баня. Беря березовый веник, она сама шла изгонять недуг из воспитанника, а то и воспитателя. И болели редко.

Активная, какая-то просто неутомимая, она не могла терпеть, когда кто-то сидел без дела.

- Вера Робертовна! Пока дети в школе, организуйте воспитателей носить навоз на огород,- бывало, распоряжалась заведующая интернатом. (К своим воспитанникам, когда они стали воспитателями, она обращалась только по имени-отчеству. Тепло, просто по имени она могла их назвать лишь наедине, в личной беседе).

Никто никогда не отказывался ни от какой работы, зная, что все это нужно делать, и кроме них – некому.

Воспитательница третьего детского дома Елизавета Ефимовна Ширинкина вспоминала: «Загородный сад и огород пришлось вскапывать вручную лопатами. Работали и воспитатели, и дети. Чтобы удобрить участок, мы на санях с подсобного хозяйства на улице Советской таскали в апреле навоз. Человек 30-40 брались за сани и везли под гору. Детскому дому нужны были овощи, и мы их выращивали. Дрова для приготовления пищи тоже заготавливали сами. Ходили ежедневно (поочередно, группами) в Поповку за хворостом. Взрослые, а в войну ими были только женщины, готовили дрова к зиме в Кайдалах... Меня избрали председателем райкома профсоюза детских домов района. Мы поддерживали связь с девушками-фронтовиками, которые по комсомольским путевкам были призваны в армию из наших детских домов, это А.Н.Клепикова, В.Ф.Колесникова (Болотова), М.П.Красильникова,

Л.П.Лазарева (Шептуха), К.М.Дурыманова. Писали им письма и получали ответы. Особенно трогательные письма приходили от Валентины Филипповны. Они вселяли надежду на победу. Я зачитывала их на собраниях в коллективах. У нас была подшефная воинская часть. Мы собирали для ее бойцов посылки с теплыми вещами (вязали варежки, носки), пекли печенье, готовили сухарики. А еще мы выступали с концертами в ближних деревнях. Концерты были платные и обязательно с вещевой лотереей, которая была беспроигрышная, но платная (райфо на это нам давало разрешение). Концерты всегда проходили успешно. В их программах в основном были русские народные песни, стихи, игра на струнных инструментах. Вырученные деньги, в большинстве своем, перечисляли на Уральский добровольческий танковый корпус. Перечислили 8000 рублей, в то время это были большие деньги. Запомнился особо один случай. Выступали мы с концертом в деревне Половинке. Зрителей был полный зал. Сзади на скамейках стояли, чтобы больше вошло народу. Когда концерт закончился, зрители не ушли и стали просить его повторить. «Вырученные деньги пойдут на формирование Уральской добровольческой колонны. Если вы желаете еще посмотреть эту же программу, то мы просим вас освободить зал, проветрить помещение и снова купить билеты», - объявили мы. Раздался взрыв аплодисментов, и концерт был полностью повторен... Семьям, родители которых были на фронте, давали небольшой паек продуктов. За путевками в облоно мне приходилось ходить пешком через нытвенские прорубки и через коммуну «Марс» до Усть-Нытвы и еще до самой Нытвы семь километров. Вечером выйдешь – ночью будешь в Нытве, а там на паровозике едешь до Молотова (Перми). И обратно так же. Я ходила так два раза в месяц. Было не страшно, так как много шло людей из города, и эвакуированные шли по деревням обменивать вещи на овощи или другие продукты. И такая цепочка двигалась человек в двести.

В детских домах города не было бумаги. Писали на старых книгах, газетах, но учеба не прекращалась. Тем не менее с бумагой надо было что-то решать. Директора детдомов нашли канал, по которому мы могли приобрести бумагу. Надо было только ехать самим. И вот я с инвалидом Василием Петровичем Лоскутовым поехала на худенькой лошаденке. Взяли с собой деньги наличными и ружье. Путь был до Краснокамска. Ехали ночь. Все обошлось благополучно. Долго пришлось добиваться, чтобы выдали нам бумагу. Но добились. Привезли мы пять тысяч тетрадей и рулон бумаги. Радости было много».

Глава 4

Горох

Санька изо всех сил сжимала зубы и кусала губы, чтобы не расплакаться, но упрямые слезы не слушались и текли по щекам. Они попадали в рот, горько-соленые, и от этого все сильнее хотелось пить. Боль в коленках от гороха, на который ее поставили, при этом заперев в шкаф для одежды, была нисколько не сильнее обиды, которая ее душила. Санька действительно не знала, куда исчезли эти несчастные учебники. Несправедливость наказания и вызывала эти злые слезы. А еще ужасно хотелось есть. Ребята ушли в столовую. Санька старалась не думать о еде, но именно о пище вспоминалось то одно, то другое. Например, как шефы из ближнего колхоза привезли к ним в интернат машину капусты, воспитатели отправили ребят разгружать, а они съели всю капусту. Она была такая сочная, вкусная! Правда, вторую машину они честно разгрузили. А еще вспомнилось, как они, несколько человек из группы, когда дежурили на кухне, нашли спрятанные кем-то три буханки хлеба, немного масла и кусок сахара. Так хотелось все съесть! Но они решили разделить всем поровну. Нарезали буханки на ломтики, намазали их маслом, сверху положили кусочек наколотого сахара и раздали всем в группе. Кого не было на месте, тому положили под подушку. Вот что значила дружба!.. Есть вообще-то все время хотелось. Жевали серу, парафин. Воспитательница почему-то отбирала у них эти жвачки. Жалко ей что ли было? Вообще она была злая. Санька вспомнила, как недавно они с подружкой мыли пол в интернате. Он был старый, дощаной, и надо было его изо всех сил тереть мочальным вехтем. Только вымыли – пришла воспитательница и закричала на них, что вымыли плохо. Потом она принесла откуда-то ведро с грязной-прегрязной водой и выплеснула на только что ими вымытый пол, приказав мыть его заново. Что было делать? Стали мыть снова, глотая слезы обиды и посматривая на часы: надо было еще успеть сделать уроки. Ходили во вторую смену, и стрелки часов неумолимо приближались к урочному времени... Пол девчонки вымыли. Но Санька возненавидела эту воспитательницу.

В этот день она легла спать голодной, потирая красно-синие от гороха коленки. А утром мальчишки ей сказали, куда девались те учебники. Один парень из группы променял их на пояс у родительского ученика. А она, Санька, 11-летняя девчонка, была старостой и должна была за все

отвечать. Но разве можно отвечать за то, чего не делала? А, может, они обоюдно с воспитательницей ненавидели друг друга?..

Эта воспитательница работала в детдоме недолго. А вскоре в книге приказов директор Е.К.Воробьева написала: «...Стали наблюдаться случаи недостаточно внимательного и чуткого отношения со стороны работников детского дома к вверенному им коллективу детей. Имеются случаи побега воспитанников интерната №1. Отсутствует кипяченая вода в баках для питья, и дети пьют сырую воду. Детей в наказание лишают пищи. Дети интерната №3 ходят в незашнурованных ботинках и без чулок, в незастегнутых пальто, так как нет у них ни шнурков, ни пуговиц, ни чулок. Из интерната №1 дети поступают в изолятор с заболеваниями, вызванные тем, что они едят сырой грязный картофель. В интернате №3 холодно в помещении, так как не топят печи...». Далее руководитель назначает ряд мер по исправлению названных недостатков. Позже еще неоднократно в приказах по детдому появляются строчки о недопустимости подобных наказаний детей. А также были приказы о недобросовестности кухонных работников, о присвоении продуктов, отпущенных для детей. Следовали выговоры, увольнения. Но Санька об этом не знала. Ей на всю жизнь запомнился этот горох, по поводу которого она долго недоумевала: откуда, мол, у воспитательницы он всегда при себе?..

Глава 5

Военная юность

«Большую помощь в напряженное время уборки урожая, когда наши отцы и братья сражаются за Родину, оказывает Оханский детский дом №3», - эти слова по радио услышала Таня Писаревская в городе Фурманове. Глядя на черную тарелку репродуктора, она ждала еще чего-то: ей хотелось услышать побольше о своем родном доме, а по щекам текли слезы.

Их так воспитывали: «Государство тебе ничего не должно. Наоборот, ты должен государству, своей Родине за воспитание, за заботу». И Таня в свои 15 лет решила, что она уже может не только брать от страны, но и отдавать ей – свои знания, труд. Воспитатели отговаривали, советовали окончить десятилетку, видя способности девочки. Но Таня настояла на своем и в октябре 1940 года вместе с группой девочек уехала в текстильное ФЗУ в Фурманов. В 1941 году она уже получила специальность и работала в прядильном цехе текстильной фабрики. Вместе с ней на предприятии работали воспитанницы Оханского детского дома Маруся Охотина, Таня Костырева, Маруся Черненко, Валя Корикова, Оля Ермоленко, Маруся Чернышева, Рая Давиденко, Люся Зайцева, Лена Мартымянова. Немного позднее из Оханска прибыли еще девочки, среди них Зина Кучеренко, Галя Лажкевич, Лида Романцева, Клава Скобелева, Паша Лавская, Фарида Таганова, Нина Жданова, Рая Сартакова, Лена Валькевич, Нина Мужева. Фронт взял много рабочих рук с текстильной фабрики, и девушки работали по 12 часов в сутки.

- Вот бы сейчас пирогов с грибами или с малиной поесть, какими нас к праздникам в детском доме кормили,- мечтали они, собравшись кучкой.

Дневной паек – 500 граммов хлеба девчата сразу же съедали. Но к вечеру голод снова начинал донимать, ведь кроме хлеба у них ничего не было. И тогда они шли в фабричную столовую, где было только одно блюдо – постные щи из зеленых капустных листьев. Впоследствии в своих воспоминаниях Т.И.Писаревская писала: «На фабрике цеха не

отапливались. Придешь на работу – холод ужасный. К середине дня от работающих станков становилось немного теплее. Одеты мы были плохо: пальтишко и парусиновые туфельки на ногах, чулочки штопанные-перештопанные (одежду, обувь купить нам было трудно, так как зарплата наша была пять рублей в месяц). Многие болели, но больничные листы не очень-то давали. Две детдомовские девушки умерли. После смерти одной из них пришло письмо с фронта: оказывается, ее разыскивал отец, но опоздал...».

Таня стала чувствовать себя все хуже и хуже. Засыпая по вечерам, она все чаще вспоминала Оханск, детский дом. Хотелось хоть на часок очутиться там. Казалось, дома все станет лучше. А тут еще каждый день к ночи начинался озноб. Подруги укрывали ее одеялами, поили горячей водой, но ей было так холодно! Таня заболела малярией. Ослабленный организм не смог сопротивляться и дальше. Врачи поставили еще один диагноз: туберкулез.

Месяцы лечения были длинными и тяжелыми. Радио передавало неутешительные сводки о положении на фронтах... И все же молодые силы победили болезнь.

В 1943 году, проходя как-то мимо военкомата, Таня увидела девчат, спросила у них, что их сюда привело. Они рассказали, что идет набор девушек в армию. Таня побежала домой, взяла паспорт, пришла в военкомат, прошла там комиссию, и ее записали в армию. Вообще-то с фабрики, так как она была военного значения, на фронт не брали. Но, по счастливой случайности, если так можно выразиться в отношении тех, кто добровольцем уходил на войну, у Тани не было штампа в паспорте о том, что она работает на фабрике... Так 18-летняя оханская воспитанница становится после краткосрочных курсов бойцом-связистом Советской Армии.

* * *

Здание, в котором была школа, в Оханске заняли под госпиталь. Учащиеся стали ходить в три смены. Первая начиналась в 7-30 утра, а третья оканчивалась уже поздно вечером. Старшие девочки третьего детского дома ходили в вечернюю смену. Трудовой день на группе с ребятами, а потом – 5-6 часов в школе. Было очень нелегко. А тут еще случалось, и на желудке тоскливо. Хотя детям детского дома в годы войны выдавали хлебный паек такой же, как рабочим. Но и в 14-15 лет,

и в 17-19 этого не хватало. Благодаря стараниям К.В.Костроминой, в интернате, где жила Вера, дело с продуктами обстояло получше. Во-первых, была раскопана вся земля, которая была около здания (даже в ограде были грядки), чтобы как можно больше выращивать овощей. Во-вторых, были разведены свиньи, овцы, куры. Значит, было мясо, яйца. Конечно, и этого было недостаточно. Вместе со старшими воспитанницами Клавдия Владимировна каждую осень засаливала 70-ведерную бочку капусты. Все лето ребята ходили в лес, собирали землянику, грибы, малину, за Каму ездили за брусникой, чтобы потом все это сварить, засолить, а бруснику – замочить. Если не хватало сахара – ягоды сушили. Даже вода для питья у них была особенная: густо-зеленая. Это был настой на хвое. И при недостатке витаминов в военное время ни один воспитанник не заболел цингой. А чуть начинали зеленеть луга, как ребята шли собирать дикий чеснок, дикую редьку.

- Это все витамины,- говорила Клавдия Владимировна и неумоимо продолжала изыскивать везде дополнительное питание для своих дочерей и сыновей. Как иначе могла называть она этих ребят, их «мама» или «ма», как просто звали ее воспитанники?

Жила она тут же, при интернате, с двумя своими детьми. Никогда не ложилась спать, пока старшие девочки не придут из школы.

- Садитесь ближе к печке, погрейтесь! – шепотом, чтобы не разбудить других ребят, говорила Костромина им в морозные зимние вечера.

Стаскивая с ног намерзшие бурки, скидывая пальтишки, они жались к теплым бокам печки, а Клавдия Владимировна, отодвигая заслонку, вынимала горячие картофельные печенки. Какими вкусными они были!

В школе Веру Шторц избрали секретарем комсомольской организации. И как тут скажешь, что, если у родительских день: дом и школа, то у нее – и дом, и школа, и работа?! Ведь ей доверили очень ответственное поручение.

Несмотря на загруженность, Вера хорошо училась, много читала, по газетам всегда знала положение в стране, на фронте, а главное – чувствовалась в ее характере сила, способная организовать, повести за собой. Сколько ведь невзгод в такой небольшой жизни выпало, но устояла, выдержала и – закалилась. А еще она была честной, правдивой. Ребята знали: Вера никогда не покривит душой, не пойдет против совести.

В дружке третьего детского дома велась большая пионерская работа. Под руководством воспитателей, вожатых (старшей пионервожатой была Зинаида Желвакова) создавали тимуровские команды.

- Я читала в газете, для лечения раненых бойцов нужны лекарственные травы, и как можно больше,- как-то сказала Вера (а для ребят уже Вера Робертовна) воспитанникам своей группы.- Давайте собирать?

И пошли. Откликнулись также и другие группы. В годы Отечественной войны Оханским детским домом №3 было собрано семьсот килограммов лекарственного сырья.

Воспитанники детского дома №3, взяв шефство над госпиталем, чинили больничное белье, мыли аптечную посуду, чистили на кухне картошку, собирали золу для стирки белья, так как мыла не хватало. Рукодельницы детского дома вышили 80 портьер на двери госпиталя.

- Ребята! Сегодня ваш отряд идет в госпиталь. Подготовились?

Да, конечно. Подрепетировали песни, кто-то выучил стихотворение, кто-то решил сплясать для раненых бойцов.

На всю жизнь запомнила Тоня Шокальская, как раненые, эвакуированные с фронта, в больничных халатах, с перевязанными руками, на костылях, в такт музыке и ритму танца хлопали ей, девчонке с выразительными серыми глазами, своими большими, натруженными руками. У кого была одна рука, он хлопал ею по ладони соседа. Эти аплодисменты были так дороги. А танцевать, рассказывать стихи, петь Тоня очень любила.

- Вера, а помнишь, как перед войной мы в Москву на ВДНХ с концертом художественной самодеятельности ездили? Вот здорово было! – вдруг вспомнили девчата, собравшись вечером, после смены, немного поболтать у печки.

- Как не помнить! Вы такие радостные приехали, привезли кучу впечатлений. И никак не могли налюбоваться подарками – плиссированными юбочками, белыми шелковыми кофточками и туфельками на небольшом каблучке. Это была такая роскошь!..

Довоенная пора теперь казалась далеким, но таким счастливым временем. У них ведь начиналась тогда самая прекрасная пора – юность, а пришлось стать сразу взрослыми.

Глава 6

Оборванное детство

В 1942 году в школу юнг уехали из третьего детского дома Саша Ходырев, Валя Бобров, Сережа Скобелев, Ваня Неклюдов, Паша Чердынцев и Федя Марукин. Им было по 15-16 лет, а Феде – 14.

- Как тебя взяли, такого маленького? – допытывались ребята (дело было в том, что Федя и ростом особо не вышел).

Мальчик в ответ загадочно улыбался, гордясь, что ему завидуют:

- А в мастерских как мы работали? Видели? То-то! Потому и взяли.

Да, в мастерских работали все мальчики детского дома. И то, как, действительно, по-ударному выполняли фронтовые задания эти ребята, знал каждый.

Теперь их у станков сменили 11-13-летние. Воспитанники делали для армии лыжи, лыжные палки, приклады для автоматов. Так как многие предприятия местной промышленности в годы войны перешли на продукцию для фронта, воспитанникам давали задание изготовлять также ученические ручки, линейки, парты и многое другое, без чего нельзя

было учиться. В Оханском районе во всех школах писали деревянными ручками, а всего за годы войны их было сделано в детдоме 8816 штук. Армии было выслано 1681 пара лыж. В колхозы поставили 369 культиваторов и 209 граблей. Кроме того, ребята детдома делали в мастерских детские кровати и стулья, табуретки, тумбочки, столы, шкафы, ведра, тазы, чемоданы, ложки, обеспечивая этим местное население. Младшие воспитанники склеивали почтовые конверты. Они тоже были нужны. И сделано их было 1250 штук. О лени, нежелании

Леня Попов, 1942 год

работать не было никогда и разговора. Все знали – на фронте их старшим товарищам гораздо тяжелее.

А ребята все уходили и уходили. Стали военными музыкантами, поступив в 1942 году в Ленинградскую музыкальную школу, Геннадий Бадьин, Михаил Титов, Виктор Квятковский, Иван Шафрыгин. В их документах, в графе год рождения стоял 1929, 1928, 1927-й. И у всех в графе партийность значилось: член ВЛКСМ.

Ваня Примук, Миша Пылков

Не сидели без работы в эти трудные для страны дни и девочки. Они вязали варежки, носки для бойцов Красной Армии. Отправляя посылки на фронт, обязательно вместе с теплыми вещами клали банку с вареньем и письмо, в котором рассказывали, как живут в детдоме, как учатся, желали фронтовикам быстрее одолеть врага. Около двухсот таких посылок ушло из Оханского детского дома №3 на фронт. Шли посылки с обратным адресом «Оханский детский дом» и в Сталинград. В Сталинградский детский дом было отправлено 125 теплых вещей, 230 книг, 500 ручек и столько же линеек. Оханские воспитанники давали концерты художественной самодеятельности для населения, и собранные от них деньги – 1220 рублей тоже отправили в Сталинград, а 1700 рублей – в Ростовскую область. На танковую колонну «Народный учитель» было собрано детдомом 2450 рублей. Ребята послали бойцам на фронт 750 килограммов земляники, малины, брусники.

- Пусть тоже едят побольше витаминов,- говорили малыши, собиравшие ягоды вместе со старшими, несмотря на жару и надоедливых комаров.

На постройку самолета «Пионер Урала» воспитанники собрали 20 тонн металлолома, а всего в годы войны третий детский дом собрал 175 тонн черного металла.

Глава 7

Рая Сартакова, Нина Жданова

Однажды днем заведующая интернатом услышала, что ее зовут ребята:

- Клавдия Владимировна! Посмотрите, кто к нам вернулся!

На пороге интерната стояли две девочки – Рая Сартакова и Нина Жданова, они горько плакали.

- Это еще что такое? – строго спросила воспитательница.- Почему не в Фурманове?

Что они могли объяснить, когда им было по 16 лет? Может, в связи с военным временем сократили ФЗУ? Или это вышло по чьей-то оплошности? Но им выдали документы обратно, сказав, что набор в училище закончен. Легко сказать: обратно, а на какие деньги, ведь им в детдоме выдали только на передний путь? Но это никого там не интересовало.

- А как добирались? – голос у заведующей был по-прежнему строгим, но глаза потеплели.

Девочки снова начали всхлипывать.

- Ну, давайте раздевайтесь, проходите. Что ж, это ведь ваш родной дом. Будете, как и наши девчата, не только учиться, но и работать.

Рая и Нина были счастливы. Их снова приняли в семью. Да, они готовы были работать, и много, только бы не быть больше одинокими и беспомощными.

Уже потом, ночью, Рая рассказала Вере Шторц, как они от Фурманова на пароходе доехали до Юрьевца, а дальше решили идти пешком. «Пойдем по Волге, потом по Каме и доберемся до Оханска», - наивно рассуждали девчата.

Шли долго, грызли сухари, устали, измучились. Силенки стали оставлять, и они были рады, когда им повстречался человек, которого по возрасту можно было назвать дедом. А может, так казалось.

- Знаешь, Вера, у него была такая большая борода. А глаза – хорошие, добрые. Мы ему все рассказали.

- Глупые вы, девчонки! – сказал дед. – Поедем-ка со мной на плотях.

Они обрадовано закивали. С бабушкой чувствовалось как-то увереннее. Интуиция не подвела их.

- Бывают же такие хорошие люди,- говорила Рая подруге. – Он нас до Казани на плоту довез. Кормил, поил и никому в обиду не давал. В Казани сам на пароход посадил. Так до Оханска мы и доехали. А как вы здесь живете?

Вера рассказала, как нелегко порой быть воспитателем, сколько надо знать, уметь.

Пошептавшись еще немного, девочки уснули, чтобы завтра с утра начать новый, а для Раи первый трудовой день.

К.В.Костромина знала, что нелегко порой приходится ее воспитанникам и подбадривала их:

- Труд еще никого не испортил, девочки.

Она, ставшая им когда-то матерью, теперь была старшим товарищем, учителем. Здесь с ней, в третьем детдоме, во втором интернате, они проходили свои первые пединституты, свою первую педпрактику.

В 1943 году на должность уборщицы в детдом приходит Валерия Костромина, дочь Клавдии Владимировны. Тоже, как и брат, подрабатывает в летнее время. Мама приучила трудиться. А детский дом – он же родной для всей семьи Костроминых.

В октябре 1943 года появляется приказ по детскому дому №3: « На основании приказа Молотовского облоно отзываюсь в распоряжение облоно и приступаю к передаче дел и имущества детского дома вновь назначенной облоно тов. Чебыкиной Анне Алексеевне с 5 октября сего года. Е.Воробьева». Кстати, в контингент воспитанников по интернату №3 зачислены Юра Чебыкин (13 лет), Галя Чебыкина (11 лет) и Наташа Чебыкина (3 года). Вероятно, семейное положение у Анны Алексеевны было трудное.

В годы войны в штате третьего детского дома проходят некоторые изменения: переводят в Острожку завуча Е.В.Волкову (она эвакуирована из Ленинграда, имела незаконченное высшее образование, педагогический стаж – с 1914 года), и на это место временно вновь назначена Е.П.Загребаева; по направлению Оханского райкома ВЛКСМ на должность старшей пионервожатой приходит М.И.Карманова; на должность воспитателя – А.Г.Еловикова, Е.Д.Савина; на заведование четвертого

интерната назначена Л.А.Знаменская (когда-то в юном возрасте начинала свою педагогическую деятельность в Шалашинской школе-коммуне). Воспитателем приходит в третий детский дом С.А.Мрачковская. Вероятно, она на заслуженном отдыхе, но в тяжелое военное время соглашается помочь детдому. Правда, здоровье уже не то, и вскоре она уходит с должности воспитателя, работает библиотекарем и ведет литературный кружок.

«В условиях третьего года Отечественной войны советского народа против озверелого германского фашизма вся работа детдома проходит в обстановке максимального напряжения сил коллектива воспитателей и обслуживающего персонала,- пишет в приказе А.А.Чебыкина.- ...Приказываю объявить благодарности с занесением в трудовую книжку следующим работникам...». В списке воспитатели К.В.Костромина, Е.П.Загребаяева, Ф.И.Кондрашова, Н.Т.Мацанова, В.Р.Шторц, М.И.Карманова, инструктор по труду Е.Д.Усталов, заведующий изолятором С.Я.Зеленин, мастера швейной мастерской Г.В.Грахова, Е.М.Рыбакова, А.А.Плешкова, М.Н.Овчинникова, сапожник М.Г.Бурдин, кладовщик А.Г.Ткаченко, главный бухгалтер Т.Н.Кетова, повара И.В.Новопашина, Е.Е.Пермякова, В.И.Болотова, А.Ф.Рудометова, уборщицы А.Е.Кожевникова, У.Л.Бабушкина, коровница М.Ф.Еловикова, кастелянша А.И.Силина, прачки А.Н.Бурдина, М.И.Дурыманова. В 1944 году В.Р.Шторц объявлена снова благодарностью, и она награждена Почетной грамотой «за отличные образцы в работе». А вот еще приказ: «Отмечая фронтовую работу отличников и ударников учебы, приказываю объявить им благодарность с занесением в личное дело и выдать Похвальные грамоты...». Всего в списке 23 человека, среди них Валерий Ширинкин, Леонид Владимиров, Катя Суркова, Дуся Ворошнина, Юра Васильев, Капитолина Пономарева. Благодарность с занесением в личное дело вынесена воспитанникам, имеющим хорошие и отличные оценки, их в списке 69 человек, в том числе Тася Ваулина, Таня Носова, Коля Иващенко, Толя Кучеренко, Леня Чашин, Люба Шанина, Ваня Сироткин, Нина Дегтярева, Паша Ревега, Лида Шукшуева. Для отличников и хорошистов выделяется специальный фонд для культобслуживания, с таким расчетом, чтобы отличники могли посещать кино или театр раз в неделю, а хорошисты – три раза в месяц.

Глава 8

Тимуровцы

Перед праздниками особенно было много хлопот. Воспитатели с утра начинали мыть стены (они были деревянные, выструганные, и их терли мочальными вехтями). После уроков шумной гурьбой врываются в интернат ребята. Предпраздничная уборка принимала массовый характер. К вечеру полы, стены, потолки – все блестело, на окнах висели занавески, вышитые «мережкой» искусными рукодельницами детского дома. А усталые ребята вместе со своими молодыми воспитателями забирались в зал (так они называли большую комнату, где у них проходили все культурно-массовые мероприятия) на большой и единственный в интернате старый ковер. Рассказывали интересные истории. Любили слушать, например, Раису Дмитриевну Сартакову. Чаще свет не зажигали, в полумраке было интереснее. Здесь перед ними проходили герои поэм Пушкина, Лермонтова. И самый лучший вечер в году считался в канун Нового года. Спать в этот день было разрешено лечь поздно. С замиранием сердца все – и дети, и взрослые ждали боя Кремлевских курантов. А потом в зал входила Клавдия Владимировна и поздравляла всех с Новым годом. При этом в руках ее было большое блюдо с какими-нибудь сладостями: маленькими булочками, домашним печеньем. Каждому доставалось чуть-чуть, но все равно всем было очень хорошо, радостно.

* * *

В городе много семей осталось без мужчин. Женщинам с детьми было нелегко одним. Трудно было и одиноким старушкам-матерям, которые последних своих кормильцев-сыновей проводили на фронт. Пионерия Оханска решила помогать таким семьям. Активно в эту работу включился и третий детский дом.

Воспитанники-тимуровцы знали, где, в каком доме их зоны действия живут семьи фронтовиков, где – одинокие старушки. Ребята помогали им во всем: кололи дрова, носили воду, прибирали в доме, бегали в магазин

за продуктами. Но хотелось этой работе придать характер необычности, своеобразной игры – ведь это же были дети! И воспитатели, пионервожатые Лида Николаева, Зинаида Желвакова шли им навстречу.

- Ребята, сегодня дрова на улицу Чкалова, 11 привезли. Знаете, там живет жена фронтовика? Нужно сложить. И чтоб аккуратно, красиво. Ясна задача? – говорила Зинаида Ивановна отряду.

- Ясна! И чтоб тихо, да?

На другой день пионервожатая рассказывала ребятам:

- Иду я сегодня утром по улице Чкалова, а та женщина стоит у ворот и говорит соседкам: «Чудо-то какое! Весь день переживала, как дрова бы до ночи успеть сложить. Прихожу с работы – а они уже сложены. Да так ладно!»

Тимуровцы радостно смеялись и снова шли на задание. Много на их счету тогда было добрых дел. Сами частенько недоедая, они приводили в детдомовскую столовую малышей из семей фронтовиков и делились с ними своими пайками. Смотришь, и смеется уже плакавший недавно карапуз, а вместе с ним смеются и Вася Ханжин, Боря Гусев, Аркаша Орлов - детдомовские тимуровцы.

С гордостью писала в районную газету В.Р.Шторц о юннатах детского дома в годы войны. Они выращивали рекордные урожаи овощей и картофеля. Нинель Лаврова и Катя Богданова, например, с площади 52 квадратных метра собрали 175 килограммов тыквы, вес каждой тыквы был не менее 13-14 килограммов. Звено Таси Дудиной и Аркадия Орлова получили картофеля 1996 килограммов с площади в 2,5 сотки. А звено Кати Шокинцевой с полутора соток собрало более 1100 килограммов картофеля. Звено Васи Бондаренко получило капусты «Каширка» 90 килограммов с 15 квадратных метров. Юннатские участки приезжали смотреть колхозники, а ребята с гордостью рассказывали им, каким путем добивались они таких урожаев.

Продолжалось среди пионерских отрядов, детдомов и соревнование по учебе. Каждую четверть приказом директора отмечались лучшие – отличники учебы и труда. Благодарности объявляли, например, Ване Бажутину, Валере Ширинкину, Дусе Ворошиной, Боре Бесфамильных и многим другим. В годы войны Оханскому детскому дому №3 в соревновании присудили Красное Знамя Наркомпроса РСФСР и ЦК профсоюза работников дошкольных учреждений и детских домов.

Глава 9

Смертью храбрых

Первая похоронка в третий детский дом пришла на Ивана Шилова. Вторая – на Васю Фомина. Третья – на Аркадия Шокальского.

Днем надо было сдерживать слезы, но вечером, когда воспитанники засыпали, их воспитатели, ровесники погибшим, Вера Шторц, Рая Сартакова, Нина Жданова, Соня Почижы, Ольга Виноградова давали волю сердцу.

- Мне всегда казалось, что Аркадий будет каким-то необычным человеком. Если художником, то большим, если музыкантом, то известным. И проклятая война оборвала его жизнь,- говорила сквозь слезы Нина.

- Но он стал героем, девочки. Он ведь за нас свою жизнь отдал,- голос у Веры прервался, но она старалась держать себя в руках.

- А Вася Фомин? Помните, каким он пришел к нам в детдом? Никак не хотел жить с нами, все убегал. Его поймают, а он опять убежит. Смешной такой был. Клавдия Владимировна как-то пошла на рынок за продуктами и Васю взяла с собой, чтобы он ей помог нести сумку с продуктами. Ну, ходит там по рынку, выбирает, что купить. Вдруг смотрит: Вася встал, как вкопанный. Она позвала его, а он не слышит. Клавдия Владимировна подошла посмотреть, кто его так обворожил. А там поросят продают. Вася с них глаз не сводит. «Нравятся?»- спросила Клавдия Владимировна. «Да!» Она и купила ему маленького поросеночка. Какой счастливый прибежал Василек в интернат. Все возился с этим поросенком и убегать больше не помышлял. Так и стал ухаживать у нас за свиньями, таких растил, что его на ВДНХ в Москву пригласили. Мы его тогда всем интернатом провожали,- Вера вдруг замолчала и долго не произносила ни слова. Все знали: Вася Фомин, пулеметчик, погиб, защищая Севастополь. Но так трудно было поверить, что нет уже в живых их веселого товарища, неугомонного со своими свиноводческими делами Васи.

- А где-то наши три друга – Егор Зеленин, Павел Ревера и Володя Хохряков? – вспоминали девушки.

В детский дом пришла фотография: все трое в морской форме, brave такие, а посмотришь внимательно на лица – совсем ведь мальчишки!

О многих еще не знали тогда молодые воспитательницы. Война продолжалась. И где-то на Черном море сражался с фашистами «маленький» Федор Марукин, морской офицер. Будучи раненым в бою, он продолжал нести боевую вахту и за мужество был поощрен командованием. Не раз смотрела смерти в глаза Таня Писаревская, шагавшая по дорогам войны связистом, через Венгрию, Чехословакию, Австрию. На фронте была и Роза Гибадуллина, медсестра санбата, и много, много других.

Корабль Северного Флота, на котором служил Валентин Бобров, занимался тралеванием фарватеров, сопровождением транспортов. Команде было поручено выполнять правительственное задание по охране ледокола «Иосиф Сталин». Моряки проявили поистине героизм, потопив две подводные лодки противника. За отличные боевые действия Бобров был награжден медалью «За отвагу». В августе 1944-го тральщик, где нес службу Валентин,

На фронте; слева – бывший воспитанник Оханского детдома Варламов.

сопровождал на Диксон транспорт «Марина Раскова». Во время похода разгорелся жестокий морской бой. Его описал впоследствии А.Леонтьев, председатель Пермской группы ветеранов школы юнг Военно-Морского Флота: «Два наших корабля, в том числе тральщик, на котором служил юнга с земли оханской, были потоплены. Валентина Боброва считали погибшим. А ему повезло. Вместе с командором Михаилом Воробьевым он четверо суток находился на изрешеченной пулями и осколками шлюпке в море. На пятый день моряки встретили в море еще одну шлюпку, на которой находилось 23 человека с боевых кораблей и транспорта. Борьба со стихией без пищи и воды продолжалась еще двое суток, и лишь на седьмой день оказавшихся в море подобрал посланный на поиски гидросамолет...» За мужество и героизм, проявленное во время многочисленных боев и походов, в 1945 году Валентин Бобров был награжден еще одной боевой наградой – орденом Красной Звезды.

Но повоевать он успел еще до школы юнг. Поступив в 1939 году в Пермскую авиашколу, в 1940-м он становится воспитанником Кунгурского полка и в 1941-м, наравне со взрослыми, принимает участие в жесточайших боях с немецко-фашистскими захватчиками. Получает ранение. После выздоровления военная медицинская комиссия принимает решение: мальчишке надо учиться, а не воевать. Отправляют его обратно в Оханский детский дом. А в 1942-м, вместе со своими друзьями, Бобров уходит в школу юнг Военно-Морского Флота.

Воспитанником Кунгурского стрелкового полка был и Ваня Неклюдов. Он тоже принимал участие в боях с фашистскими захватчиками, когда ему еще не было 14 лет. Затем, в школе юнг, на долю этих мальчишек выпадают испытания, которые были под силу не каждому взрослому. А.Леонтьев писал в воспоминаниях: «Ваня, вместе с другими юнгами, в суровых условиях Севера, валит, трелюет лес, роет в мерзлой земле котлованы, принимает участие в строительстве землянок, столовой, клуба и других необходимых для учебы, службы помещений, и, конечно же, овладевает военно-морскими и специальными знаниями, готовится стать корабельным мотористом. А над головой то и дело гудят немецкие самолеты. Неклюдов вместе с другими юнгами добровольцами принимает участие в отражении налетов гитлеровской авиации, уничтожении фашистских лазутчиков, диверсантов, ликвидации возникающих в результате бомбежек лесных пожаров. Несмотря на эти и многие другие трудности, школа юнг была им окончена на одни «пятерки». Дальнейшая служба юнги проходила на Тихоокеанском флоте. В отдельном дивизионе торпедных катеров он зарекомендовал себя как хорошо знающий свое дело моряк, хороший пловец, умелый водолаз, о чем свидетельствовали хранящиеся в личном деле многочисленные благодарности и быстрое продвижение по службе. Большую смелость, храбрость юный моряк проявил во время боев по освобождению городов Южки, Расина, Сейсина, Гензана. Грудь военного моряка украсили орден Отечественной войны, медаль Ушакова».

* * *

...Мальчишки детского дома не хотели подводить своих старших братьев и сестер. И снова заводы области – в Перми, Лысьве, Юго-Камске – встречали пополнение 14-16-летних. Это был их трудовой фронт. На Югокамском заводе стали стахановцами бывшие воспитанники оханских детских домов Алексей Ветлугин, Петр Кузнецов, Семен Изовских, Владимир Кушников, Леонид Пылков, Адольф Мартынов,

токари, шлифовщики, модельщики, электрики. Не щадили себя, работали на пределе сил Юра Незговоров, Катя Туманова, Дуся Дорошенко и сотни других парней и девочек, воспитанников детских домов маленького уральского городка на Каме, вставших во время войны к станкам.

А казенные серые конверты, в которых было страшное слово «погиб», продолжали приходить в детский дом. Воспитатели видели, как каменело лицо Костроминой, как кипели на ее глазах слезы, когда она читала скупые строчки этих писем-похоронок. Петр Ерш, танкист, погиб под Минском. Николай Ясько защищал Москву, погиб на берегах Волги. Тоже защищал Москву, изгонял фашистов с волжских берегов и погиб под Одессой Николай Ольхов. Иван Лощановский, артиллерист, погиб на Украине, отражая атаку вражеских танков. Николай Еланцев, летчик, погиб под Ленинградом. Анвар Таганов, артиллерист, погиб в Венгрии. Леонид Чекалов, летчик, погиб под Харьковом. Сколько сыновей воспитала эта мать, и сколько из них не вернулось, пав смертью храбрых за Родину!

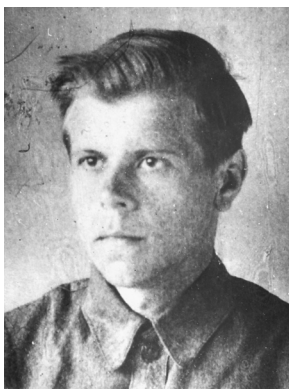
- Мы никогда не забудем их,- думала Вера, или, вернее, Вера Робертовна, воспитатель, педагог. Она в то время еще не знала, что впоследствии, став в 1946 году завучем детского дома №3, будет собирать материал о бывших воспитанниках-фронтовиках, что в одном из интернатов детдома по ее инициативе откроется комната Боевой Славы, куда из года в год будут приходить ребята, пионеры, комсомольцы, чтобы отдать дань памяти погибшим за их счастье, но она точно знала: никто не имеет права забыть этих прекрасных парней и девочек, не видевших юности, и из поколения в поколение будет передаваться слава их подвига.

Николай Ясько

Иван Лощановский

Аркадий Шокальский

Глава 10

Сестры

В третий детский дом пришел секретарь райкома ВЛКСМ. Он был в синем галифе. На гимнастерке – орден Красной Звезды. Собрали старших, тех, кто только что окончил семь классов.

- Вы уже стали достаточно взрослыми,- он взглянул на сидящих перед ним 14-15-летних подростков.- Вам детский дом дал воспитание. Сейчас придут дети, которые займут ваши места. У них война отняла все. А вы будете работать.

Слова звучали отрывисто, жестко...

Тоню Шокальскую взяла к себе в дошкольный детский дом №5 на Перемке В.И.Калашникова, его заведующая. Воспитателей там не хватало, так как с войны все больше и больше прибывало детей. Сюда направляли, в основном, эвакуированных из блокадного Ленинграда, в возрасте от трех до шести лет.

Тоне было всего 14 лет. Но Валентина Ивановна хорошо знала девушку (она воспитывалась у нее) и верила, что та сможет работать с малышами. Хотя многие не могли. 25 трехлеток в группе. Двое воспитателей, работают посменно. Значит, в свою смену ты одна с ребятами. И не нянчиться с ними она поставлена, а воспитывать.

- Запомни, ты – не Тоня, ты – Антонина Александровна, для всех и всегда, - наставляла ее заведующая.- Ты – педагог, воспитатель.

...На прибывших детей страшно было смотреть. Изможденные, не детски суровые личики. У многих на глазах убили матерей, отцов. Может, они еще и не понимали, что такое смерть, но они хорошо знали, что нет больше рядом и никогда не будет самого дорогого человека – мамы. Они настороженно смотрели на Тоню. А она сначала терялась. С чего начинать? Что сделать, чтобы найти путь к их сердечкам? Хорошо, что рядом был умный руководитель, прекрасный педагог. Валентина Ивановна, когда было очень трудно, подсказывала, советовала. На группе с Тоней работала ее подруга (вместе воспитывались в детском доме) Регина (Регина Адамовна Каспирович, впоследствии ставшая профессиональным дошкольным работником; после Перемки переехала в Нытву, была назначена методистом по дошкольному воспитанию). Дружила она и с Татой (так ласково звали младшую дочь В.И.Калашниковой Надю), которая некоторое время тоже помогала им, работая воспитателем. Приятно было общаться с Ниной Алексеевной Журавлевой, воспи-

тательницей, имеющей уже опыт. Она могла всегда посоветовать, как лучше подготовить утренник, оценить занятие и просто побеседовать. Дружеские отношения в коллективе сотрудников детского дома помогали в то трудное время жить.

Воспитатели работали по 12 часов в сутки. Ночью шли на ток молотить. В колхозе тоже не хватало рабочих рук. И все-таки юность брала свое. Хотелось порой побродить по лесу, посидеть на полянке. Кругом было так красиво.

- Нелзя, Тоня, ни на минутку оставлять детей,- говорила ей Валентина Ивановна. - У них никого, кроме тебя, нет, понимаешь? Ты для них мать, и ты ответственна за каждого своего ребенка...

Два года у них не было выходных, не было отпусков. Смену проработашь, а вторую – идешь на огород работать или на подсобное хозяйство, за счет которых разнообразнее становилось питание ослабленным детям. Праздники, правда, были. К ним на кухне готовили обязательно какую-нибудь вкусную стряпню. И воспитатели могли выпить по кружечке пива.

**Антонина Шокальская
(Шукина)**

Рано пришлось Тоне повзрослеть. Но тяга к прекрасному не исчезала, как бы трудно ни было. В душе все равно жили стихи, и она их читала: со сцены на концертах художественной самодеятельности, в кругу подруг-воспитательниц, детям. А еще она любила петь и часто напевала малышам что-нибудь хорошее. Она любила танцевать и понемножку учила этому детей. Но самое главное – она учила их смеяться. Они долго не умели этого делать...

- Ты знаешь, что такое не иметь родных, ты, как никто другой, понимаешь их маленькие сердечки, ты умеешь сеять добро,- говорила Валентина Ивановна Тоне.- И я верю, ты будешь хорошим воспитателем.

...Прошло много лет. Десять из них Тоня Шокальская проработала в детском доме на Перемке. 25 – в детском саду села Таборы Оханского района. Заочно окончила дошкольное училище. И сбылись слова В.И.Калашниковой. В 1978 году Антонину Александровну Шукину (Шокальскую) избрали делегатом Всероссийского съезда учителей. В числе лучших педагогов России она принимала участие в работе этого высокого форума в Москве.

Воспитываясь в детском доме, она мечтала: «Вырасту большая – выберу себе такую профессию, чтобы обязательно стихи рассказывать,

петь, танцевать на сцене». Детская мечта ее не сбылась. В общем-то, это не совсем так. Все годы работы Антонина Александровна выступала на сцене. Пусть в самодеятельности. Но в Перемку приходили жители всех близлежащих деревень посмотреть концерты, которые ставили воспитатели детского дома. И в Таборах она была всегда активной участницей художественной самодеятельности. Но все-таки не в этом было главное. А в том, что свою любовь к поэзии, к природе, к людям она прививала детям. И радовалась, если эти зернышки прекрасного прорастали, расцветали в их маленьких душах. Видеть прекрасное она учила и своего сына Виктора, окончившего Высшую военную академию. А когда выходила замуж, посаженной матерью на свадьбе была Валентина Ивановна Калашникова.

Старшая сестра Антонины Александровны Лена, или Елена Александровна Калинина, в ответ на просьбу детского дома рассказать о себе, в 1984 году писала: «После семи классов я поступила вместе с Марусей Ермоленко и Марусей Лощановской в Пермское фармучилище. В 1941-м, после его окончания, меня направили в деревню Усть-Гаревую Добрянского района. В этом селении я была первым фармацевтом, открывала аптеку. Так и осталась здесь. Проработала 35 лет. Я очень любила свою специальность, свою работу. Имею награды. Работать закончила в звании «Ударник коммунистического труда». Сейчас нахожусь на заслуженном отдыхе. Замужем. У нас трое детей и шесть внуков. Из воспитателей я любила (и не только я) Евдокию Павловну Загребаеву, Фаину Ивановну Кондрашову и Веру Степановну. Вера Степановна была мастер по «живым газетам». Помню один такой куплет ее про моего брата: «На Шокальского Аркашу посмотреть прилично. И по каждому предмету у него отлично!».

Односельчане, сослуживцы знали Елену Александровну как человека, щедрого душой. И к работе своей она относилась очень ответственно. Привезут в больницу ребенка, нужно ему срочно лекарство, пусть хоть ночь-полночь, Елена Александровна выходила на работу и готовила нужные лекарственные препараты. Никогда, ни разу не отказалась. Свое счастье видела она и в своих детях. Добрая, ласковая, она была верная жена и прекрасная мать.

Такие вот выросли дети музыканта Александра Шокальского. Как дочерью, так и погибшим, защищая Родину сыном, он мог бы гордиться.

**Елена Шокальская
(Калинина)**

Глава 11

Дети войны

Невозможно забыть, сколько детей осиротила война. Только в Оханском районе на начало 1942 года было размещено более 700 детей, эвакуированных с территорий, где шли военные действия. Вновь были открыты детские дома в селах Дуброве, Казанке, Беляевке, Острожке, Пономарях, Шалашах, деревне Полуденной возле поселка Юго-Камск.

На местном уровне изыскивались возможности, чтобы одеть, обусть, создать условия для проживания вновь прибывающим детям. Так, директор Казанского детского дома Николай Захарович Рябков, направленный сюда райкомом ВКП(б) после увольнения предыдущего директора, в докладной просил районо оказать помощь. Прибыло 118 детей из Карело-Финской ССР. Между тем здания детского дома непригодные, ветхие, в рамах нет стекол. Кухонный инвентарь пришел в негодное состояние. Детям не хватает обуви. Большинство ходят в мелких галошах, без ботинок, начинают носить лапти. Старая обувь в количестве 55 пар отдана в починку Оханскому детскому дому №3, но за неимением кожи починка остановлена. Нет зимних шапок, платков, пальто. Заведующей районо была в то труднейшее время Прасковья Степановна Вшивкова. Это на ее рабочем столе одна за другой появлялись докладные. И она, как главнокомандующий на фронте, отдавала распоряжения, изыскивала всяческие возможности, чтобы обеспечить детям нормальную жизнь.

Завучем Казанского детского дома назначается весной 1943 года С.Т.Нокелайнен. Позднее, пройдя войну, приехал в Казанку Александр Андреевич Пермяков (в 1941 году окончил Оханское педучилище). Эвакуированные возвращались на освобожденные от фашистов территории, на их место нужны были новые кадры. Пермяков становится завучем в детском доме. Затем, в 1952-м, его перевели директором Шалашинского детского дома. Но в 1953 году преждевременная смерть оборвала жизнь фронтовика, педагога.

В этом же детском доме на младшей группе начинает работать

воспитателем, вернувшись с фронта в августе 1945 года, Евгения Александровна Чебышева. Но работает совсем немного, выйдя замуж и уехав в Окуловку по месту жительства мужа.

Ветеран педагогического труда, бывший директор Дубровской школы Людмила Петровна Чазова вспоминала: «В наше село Дуброву осенью 1941 года прибыло около 250 детей. Почти всем им нужно было учиться в школе. Тогда Дубровская школа и стала средней.

Было трудно. Не хватало классных комнат, учебников, тетрадей. Некому было заготавливать для школы дрова, но было главное – огромное желание работать и учиться. Дубровские учителя и ленинградские воспитатели работали дружно, совместно обучали и воспитывали ребят-тишек. Одни учили в школе, другие занимались с детьми дома.

Но не только учебой приходилось нам заниматься в то время. Везде не хватало рабочей силы. И мы, педагоги, вместе с детьми, помогали колхозу. Вместе все вели также агитационную и культурно-массовую работу. Часто ставили спектакли в Дубровском клубе, выезжали с ними в Пономари, Тараканово, Большую Соснову, Оханск. В то тяжелое время мы, ленинградцы и уральцы, взрослые и дети, крепко сдружились».

В 1972 году в Дуброву приезжала из Ленинграда Мария Ивановна Ширияева. Она, воспитатель, была вместе с детьми эвакуирована из блокадного города. В Дуброве работала учителем и была активным членом драмкружка. Об этом времени, о людях Дубровы остались теплые воспоминания. Вот и приехала она навестить старых друзей.

В Шалаши привозили эвакуированных детей из Москвы, Минска, Ленинграда. У одного мальчика не было руки, ее оторвало при бомбежке. Завуч Шалашинского детского дома Елизавета Павловна Соколова, ленинградка, вместе с молодыми учительницами организовала драмкружок. Ставили пьесы, пели, хотя жить было голодно. С 1942 года и директор Шалашинского детского дома была эвакуированная – Антонина Сергеевна Лунегова. Из Новгорода работала здесь воспитательница Нина Петровна Соскова, пионервожатая – 17-летняя Елена Соколова из Ленинграда. Елена Михайловна Вяткина в то время заведовала интернатом, ее педагогический стаж уже был 11 лет.

По-матерински тепло встречали детей блокадного Ленинграда женщины села Беляевки. Кто-то из них принес теплые вещи, кто-то немного продуктов из своего личного хозяйства. Измученные дорогой, страхом и

ужасом, когда бомбы попадали в вагоны и на глазах погибали их ровесники, многие дети, особенно те, кто был постарше, болели... Для детского дома выделили два здания, где раньше был детский сад. Срочно собирали мебель, матрасы, подушки, но все равно некоторое время детям пришлось спать просто на полу. Правда, они и этому были рады: ведь рядом не рвались снаряды, не падали бомбы. Тишина, которая встретила их на камских берегах, действовала целительно.

Освоившись, воспитанники детского дома стали навещать раненых бойцов, которые лечились в госпитале, расположенном вблизи села. С большим желанием ребята помогали раненым, заготавливали для них ягоды шиповника, лекарственные травы. Да и солдаты тянулись к этим детям, которых война породнила с ними болью утрат близких.

Беляевский детский дом просуществовал до 1945 года. В год 55-летия Победы приехали навестить ставшее родным село сестры Кулик – Надежда и Вера. Они здесь росли, учились. Им посчастливилось: после снятия блокады Ленинграда оказалось, что их мама жива, и по окончании войны они уехали домой.

Пономаревский дошкольный детский дом был организован в конце 1941 года. Из отчета его директора П.Е.Лайне районному отделу народного образования за год (с января 1942 по январь 1943-го), следовало, что детский дом занимал два деревянных одноэтажных здания, в которых было 11 комнат. Помещение внутри и снаружи содержалось в чистоте. Почему это отмечалось особо? Да потому, что оба здания были при скотных дворах. Но в них полностью произвели ремонт, переложили пять печей, побелили, застеклили и выкрасили окна. К тому же были подготовлены овощехранилище, баня, прачечная. Силами сотрудников детского дома заготовлено 180 кубометров дров. И все-таки многого не доставало. Плохо, что невозможно было иметь теплые уборы. Дети спали на железных кроватках, на соломенных матрацах, на ватных подушках, одеяла были только байковые. И то на всех не хватало. Для мальчиков не хватало зимних шапок, не было валенок, шерстяных носков, у девочек была одна смена туфель. В целом, как свидетельствовал отчет, дети поступали очень слабые, им назначали дополнительное питание. Изолятор не пустовал – в нем постоянно принимали лечение больные дети. Завучем в Пономаревском детском доме работала Е.М.Герасимова.

Глава 12

Самая вкусная картошка

...На них страшно было смотреть. Худые, еле на ногах держатся. Но главное – личики. Бледные, с синевой под глазами.

- Откуда? – спросил кто-то из жителей села Острожки.

- Из-под Москвы. На дачах были с детским садом, а тут война. Срочно эвакуировать пришлось. Длинная дорога измотала их.

Позже в село привезли детей из Ленинграда, с Украины. В Острожке был организован детский дом, занявший три здания.

Молодых учительниц Острожской школы вызвали в районо.

- Нужно помочь детдому,- сказала заведующая отделом народного образования П.С.Вшивкова. – Помочь по доброй воле, без всякой оплаты. Вы – комсомолки.

Она не добавила: вы – женщины, будущие матери, а дети недавно потеряли своих мам, но Калерия Прокопьевна Чазова (в будущем – Колчанова) сердцем услышала эти произнесенные слова.

- И мы каждый день после уроков в школе до 11 часов вечера были в детдоме,- вспоминала она.- Стирали, проглаживали их белье, мыли их белокурые, чернявые, золотистые головки. Заботились о них, как могли. Но этого было мало. Ослабленным детям требовалось усиленное питание. Старших кормили вроде бы ничего, а вот малышей... Война, говорят, как рентген, просвечивала души людей. И нашлись ведь такие, которых не могли остановить в их подлых делах даже голодные глаза детей...

У Калерии Прокопьевны сжималось сердце, когда вечером, укладывая ребятишек спать, она слышала их робкие голоса: «Поесть бы, хоть чуточку, хоть крошечку...».

И девушка решила. В детском доме в ту первую зиму померзла в яме картошка. Брать ее запретили. «Связывайте, ребята, простыни,- скомандовала однажды Калерия Прокопьевна. – А теперь, кто посильнее, спускайтесь по ним в яму, нагребайте ведра, мы вытянем». Так каждую ее смену дети стали печь мерзлую картошку.

- Ты что же это делаешь?! – вызвал как-то Калерию Прокопьевну директор школы А.В.Сукрушев.- Донесут. И засудят ведь тебя.

Он строго смотрел на эту небольшого роста 20-летнюю девушку. А у нее перед глазами вставали изможденные личики малышей.

- Посадят – отсижу,- сказала она.- Зато дети хоть немного окрепли, они жить будут.

Выступая как-то по телевизору, московский журналист Александр Резников, бывший воспитанник Острожского детского дома, вспоминал эту спасительную для них и самую, казалось, вкусную на свете картошку...

А заведующую детским домом вскоре сняли с работы. На это место был назначен А.А.Калашников, честный, ответственно относящийся к порученному делу человек. И жизнь у детей пошла гораздо лучше.

Из воспоминаний бывшей воспитанницы Острожского детского дома Елены Павловны Турицыной (а тогда она была просто Леной Ерощенко-вой):

«Когда началась война, мы жили в селе Вораксина, в 15 километрах от города Великие Луки Калининской области (ныне Псковская область). Отца на второй день войны взяли на фронт, хотя по состоянию здоровья он не был годен для службы в армии. Воевал он на Ленинградском фронте и был взят в плен тяжело раненным (по рассказу однополчанина). Никакой весточки от него мы так и не получили. Осталось нас пятеро детей с матерью. Вскоре прибыл фашистский карательный отряд, вооруженный до зубов. От нас они сразу же стали требовать масло, молоко, мясо, мед, а еще требовали, чтобы мы сдавали партизан. Угрожали расправой. Жгли, грабили, убивали. Наш дом сгорел. Мама выбросила нас в окно. Над нашими головами шел бой, а мы лежали, вжимаясь в землю, боясь даже дышать. Тут маму ранило. Старшую сестру Марию убило. Младшую сестру Тоню ранило в руку. Когда бой поутих, нас подобрала и вывезли на лошадях в другой сельсовет. Там был госпиталь. Потом этот госпиталь уехал, а Тоня, сестра, была там, и мы с ней потерялись... Вспыхнула эпидемия брюшного тифа. Это уже был 1942 год. Мама умерла. Младшая сестренка Евгения тоже умерла. Их схоронили без гробов, сразу в землю... Остались мы с братом Алексеем. Ему было 5 лет, а мне – 13. У нас не было ничего. Голодали, мерзли. Нас потом взяли в детприемник. Привезли в город Калинин. Мы все были больны чесоткой, истощены страшно. В Калинин на карантине нас держали месяц, а потом повезли на Урал, в Пермь. Из Перми отправили в

Оханский район, в село Острожку, где был эвакуированный из Москвы школьный детский дом.

Приехали мы на пароходе. Нас, 93 человека, высадили на оханскую пристань. В Острожку везли на лошадях, в телегах, так как идти мы не могли.

В Острожке нас приняли очень тепло. Особо кормили и наблюдали за нами медработники. Прибыли мы 3 июля 1942 года. За лето нас вылечили. Только мы никогда не улыбались, а по ночам, говорят, кричали, звали на помощь, бредили пожаром.

В сентябре пошли в школу, я – в пятый класс. А братишку увезли в дошкольный детский дом деревни Пономари.

В 1945 году детдом в Острожке расформировали, и меня направили в Оханский детский дом №3, где я воспитывалась. Когда брату исполнилось семь лет, его тоже привезли к нам.

В 1949 году я нашла свою сестру Тоню в Калининском детском доме. Так нас стало в жизни трое.

В 1951 году я окончила Оханское педучилище и работала в школе до пенсии».

Елену Павловну хорошо знали в Оханске как одного из лучших школьных библиотекарей.

* * *

- Калерия Прокопьевна, у меня папа нашелся! – навстречу учительнице бежал ее ученик Володя Бродский.

Это был уже 1946 год. К.П.Колчанова работала в Оханской школе. И эвакуированные дети были тоже переведены из Острожки в детские дома Оханска.

Как ждали они своих матерей, отцов! В 1949-м отыскал отец Женю Батева, лучшего художника класса. Вместе с мальчиком плакала учительница от счастья. А потом всем классом провожали они его домой.

- Вот тут мне ребята совсем не стали давать покою,- вспоминала Калерия Прокопьевна.- Ходят за мной по пятам и просят разыскать их родителей.

- Калерия Прокопьевна, напишите куда-нибудь. Пусть найдутся мои мама и папа, - девочка умоляюще смотрела на свою учительницу.

- Феня, куда же я напишу? Ты ведь даже и фамилию свою настоящую не помнишь. В детском доме поэтому тебя и записали: Бесфамильных.

- Нет, я помню! Папу у меня звали Сидором. Мы жили в деревне Сидорово. А в своем адресе писали УССР или УАССР.

- Фенечка, а ты знаешь, какая это разница – на Украине ты жила или в Удмуртии?

Но просьбы девочки были так горячи, настойчивы, что учительница написала. Отправила два письма по адресу: д.Сидорово, папе Сидору. Одно послала на Украину, другое – в Удмуртию. И как можно крупнее вывела обратный адрес: «Оханский детдом». На ответ не надеялась. А он пришел. Нашлись родители у Фени в Удмуртской АССР, в д.Сидорово.

- Калерия Прокопьевна, давайте поищем маму! – по-прежнему просили ребята. И она вслушивалась в те слова, которые они помнили из своего, такого короткого довоенного детства. По картам, по их рассказам искала деревеньки, села, писала туда. Но такое счастье, как у Фени, выпадало редко. А она, учительница начальных классов, при всем желании не могла заменить им всем мать.

- У меня маму в щели убило, когда мы от бомб прятались,- тихо говорила девятилетняя Леночка.

Девочка уже не ждала чуда. И таких было большинство. Все годы детства мечтал отыскать свою маму Коля Иванюта. Правда, счастье и ему улыбнулось – мать нашлась, но детство в то время у него уже кончилось. И когда он, имея профессию сталевара, студент университета, решил завести свою семью, молодую жену привез в Оханск, привел ее в маленький домик, стоящий на взгорке, к своей первой и самой дорогой учительнице Калерии Прокопьевне Колчановой.

- А как они учились!- вспоминала она.- Мы, учителя, обычно просили дать нам детдомовский класс. Эти ребята всей душой стремились к знаниям. Воспитанники моего выпуска 1952 года почти все закончили четвертый класс на 4 и 5. После семилетки они шли в ремесленные училища, техникумы, многие из них потом оканчивали вузы.

Сама К.П.Колчанова проработала в школе около сорока лет. Многих ребятшек учила она читать, писать, считать, учила быть мужественными, любить Родину и ненавидеть ее врагов. Учила детей и внуков тех, кто на своих плечах вынес войну. И всегда говорила: «Нельзя допускать новую войну. Нельзя допускать, чтобы она вновь смотрела на нас полными горя глазами детей».

Глава 13

Полуденная

В августе 1942 года в деревню Полуденную, расположенную возле поселка Юго-Камск, из Весьегонска, находящегося в то время в прифронтовой полосе, прибыло сто детей дошкольного возраста.

Временно их разместили в зданиях правления колхоза, сельсовета, избы-читальни. В Полуденной, вероятно, детский дом не планировался, но детей войны в район поступало так много, что было принято решение о срочной организации и здесь детского дома. Отвели для этой цели двухэтажное здание, где раньше вверху был детский сад, внизу – магазин. Матрасы временно набили соломой. Местные женщины принесли творог, сметану, морковь. Каждому хотелось хоть чем-то помочь этим обездоленным малышам. Директором нового детского дома была назначена Васса Федоровна Киверина, до этого работавшая заведующей Полуденским детским садом.

Не успели разместить этих ребятишек, как стали привозить еще и еще. Из Калинина, Ржева, Москвы, Ленинграда. Вместе с ними приехала воспитательница Зинаида Ивановна Зеленина и стала работать в детдоме.

Вассе Федоровне пришлось очень нелегко. Нужна была мебель, дрова к зиме, постельное белье, одежда и обувь для детей, продукты питания. Даже посуды не было. Ложки собирали по всей деревне. Необходимо было организовывать подсобное хозяйство, строить баню. Но и грязь, и вшивость, чесотку – все это можно было убрать, вылечить. И с дистрофией постепенно справлялись. Страшнее было то, что никакими методами, средствами нельзя было из памяти малышей убрать тот ужас, который они испытали.

...Коля и Галя Власовы попали под бомбежку, маму убило на их глазах. И долгое время, как что-либо загремит, Коля прятался под кровать. Было ему 4 года, а сестренке – 5. Сережа Звездин не говорил. Надо в школу идти, а он все молчит. Тоже сказался сильный испуг. Еще два года подержали его в дошкольном детдоме.

Немалую помощь оказывали детскому дому в Полуденной Югокамский завод, рабкооп, местный колхоз «Красная заря». Заводские комсомольцы были частыми гостями у малышей. Приходили с подарками, старались помочь: то с мебелью, то с ремонтными работами.

Постепенно у каждого ребенка появилась отдельная кровать, новое белье, игрушки. Подсобное хозяйство стало давать молоко, мясо, разбитанный огород – овощи. Да и колхоз с продуктами помогал.

Хороший повар, по воспоминаниям современников, работал в ту пору в детском доме: Анастасия Александровна Угольникова. Очень вкусно она умела готовить.

Директор В.Ф.Киверина, подбирая коллектив сотрудников детского дома, была требовательна к кадрам, хотя не такой уж большой был их выбор в деревне. Но дело в том, что Васса Федоровна не только искала людей, способных работать с детьми, но и воспитывала, обучала их особому подходу к малышам, уже имеющих и неустойчивую психику из-за пережитого, и слабое здоровье. Самой ей тоже много пришлось пережить. По начавшейся благополучно самостоятельной жизни молодой женщины (окончила Высшее начальное училище, затем – совпартшколу, муж – секретарь райкома ВКП(б) по идеологии, две дочки), грубо ударили репрессии. По ложному доносу арестовали и затем по 58-й статье посадили мужа. Вассу Федоровну исключили из партии. Так что о дальнейшей работе на старом месте не могло быть и речи. С маленькими детьми ей пришлось уехать к своим родителям в Юго-Камск, где к ней отнеслись хорошо и назначили заведующей детским садом в Полуденной. Но жизнь продолжала быть суровой. Муж вернулся из лагерей больной и сломленный душевно. Работы найти себе не мог, начал пить и скоро трагически погиб. Васса Федоровна воспитала своих троих детей и сотни сирот. Она приложила все силы, чтобы в детском доме, вверенном ей, было тепло и уютно. Она всю себя отдавала работе. На нее, очень строгую и требовательную, сотрудники не обижались, потому что знали, видели, что, прежде всего, Васса Федоровна требовательна к себе. А еще видели ее честность, справедливость во всем и уважали за это. Военное время, большая ответственность за детей накладывали свой суровый отпечаток. Но не гасла в душе женщины любовь к музыке, стихам. Она добивалась, чтобы и в детском доме маленьким его обитателям преподавали музыку. Чтобы на праздниках для детей звучала музыка. Неизвестно, какими усилиями, но Киверина приобрела пианино для детдома. А когда выросли свои дети, она всю свою богатую библиотеку, которую собирала, с трудом выкраивая деньги на хорошую книгу, подарила Полуденскому детскому дому.

В то время в детском доме работали Александра Павловна Бажукова, Анна Яковлевна Вершинина, Ксения Ивановна Попова, Ольга Алексеевна Ширинкина и другие. Долгие годы работала ночной няней Ольга Петровна Бажукова.

Нина Васильевна Бажукова пришла работать воспитателем в 18 лет. Ее очень любили дети. Выпущенные из дошкольного в школьные детские дома города Оханска, они прибегали летом к ней, как к своей маме. Так, Коля Егоров возвращался не раз в Полуденку. Сбегал из школы, из училища. Ему очень хотелось, чтобы Нина Васильевна взяла его в сыновья. А Витя Серегин? Так сердцем привязалась она к нему! Но мама

Нины Васильевны сказала: «Погоди, Нина, у тебя свои будут». И права, наверное, была мама. Вместе с мужем Нина Васильевна воспитала своих четверых детей. Но эти, детдомовские, все равно родными стали. И она благодарна своему мужу, что он никогда не попрекал ее тем, что очень часто в их доме было гораздо больше детей, чем своих. И за столом, и в бане, и просто так. Он и сам относился к этим детям по-отцовски.

...Зину и Вову Сорокиных мать оставила совсем маленьких на вокзале. В кармашках у обоих были положены записочки, где указывались имя и фамилия. А отчество? «Давай, дадим мое,- предложил муж.- Пусть будет Сергеевны».

- И мы любили этих детей, действительно, как своих,- вспоминает Нина Васильевна.- И когда взрослой стала, Зина к нам приезжала. Только вот когда на пенсию стала выходить, когда нашли ее свидетельство о рождении, оказалось, что отчество у нее другое. Пришлось нам объяснительную писать, рассказывать, как все получилось.

- А Галя Власова у меня тонула,- продолжает воспоминания старая воспитательница.- Никогда мне не забыть этого. Вела я группу на прогулку. Стали переходить речку – Галя и пала с мостика. Речка с виду маленькая, но течение быстрое. Я пальто сбросила и за ней. Вытащила и скорее к моей маме домой. Сама же группу свою повела в детский дом. Не могла же я 25 детей оставить. Привела их, уложила спать и пошла к Вассе Федоровне рассказывать о случившемся. Сама плачу. «Если Галя заболел, Вы под суд пойдете»,- сказала директор. Но дома мама быстро затопила печку, Галю водкой натерла, и девочка не заболела. А

Дети и воспитатели Полуденского детдома, в середине среди взрослых – В.Ф.Киверина, директор.

я тогда сильно простыла и болела. У нас вообще дети не болели. Мы их закаливали. Утром, к примеру, они обязательно босиком пробегали немножко. Потом надевали тапочки и делали гимнастику. Кстати, тапочки мы им шили сами из старых байковых одеял. И еще варежки специальные шили, которыми их растирали после холодной водички. А гимнастику дети делали под наше тра-ля-ля или под патефон.

- И не наказывала я никогда детей, но они меня слушались,- рассказывает Нина Васильевна.- Например, веду я с ними занятие, они на стульчиках сидят, а рядом с ними игрушечного мишку сажу тоже на стульчик и говорю: «Я с вами буду разговаривать, а Миша будет смотреть, чтобы никто не баловался». Гляжу, мальчонка перестал слушать, отвлекается чем-то, и говорю: «Ну-ка, Мишенька, кто у нас балуется?» А они косятся на него и стараются сидеть хорошо... Так вот, в игровой форме, и приучала их к усидчивости, прилежанию.

Неделю воспитатель работал с детьми, неделю – на подсобном хозяйстве. Были две коровы, две лошади, свиньи. Как вспоминает Нина Васильевна, и воду на своих плечах носили, и пахали, и овес сеяли (след от пореза серпом на всю жизнь остался на руке), и овощи выращивали. Трудно приходилось, но зато дети были с молоком, мясом.

Помнит Нина Васильевна Клару Салаурову, бойкую, но послушную девочку, черноглазого Колю Быстрых, уехавшего после учебы в Сыр-Дарью, Тамару Дильфанову, которая из Ташкента, где жила и работала, послала своей воспитательнице посылку с ситцем (в ту пору с постельным бельем плохо было в торговле), позаботилась о «своей мамочке». Помнит Ваню Вашутину, обидевшегося на сторожа Яшу, не оставившего ему горошку. Как о своих детях, помнит она их шалости, их любимые

кушанья. У Зины Сорокиной вот уже и внуки растут, но для старой женщины она по-прежнему дочка. Воспитывались в детском доме дети и других национальностей, не русские: Франц Круббер, Витя Фриц, Витя Гаас. Но никогда никаких ссор между ними не было, и в этом тоже была заслуга воспитателей. Долгое время писали Вассе Федоровне, рассказывая о своей жизни, Катя и Валя Андрияновы, Вауокка Миттинен и другие, поступившие в этот детский дом во время войны. А Саша Сидинин, тоже бывший ее воспитанник, выстроил дачу в Полуденке. Вот таким родным, видимо, стало это местечко.

Н.В.Бажукова проработала в Полуденском детском доме до 1957 года. Закрыли его в 1965 году, посчитав, что здание старое, и детям в нем жить дальше нельзя. В.Ф.Киверина умерла в 1986 году.

**Н.В.Бажукова в годы
работы в детдоме**

Глава 14

Баян от Жукова

В июне 1944 года в Оханский третий детский дом привезли 20 детей Польши. Они через Оханск возвращались на родину из Сибири, где временно жили, пока их страна была оккупирована врагом. Прожили они в маленьком прикамском городке два месяца. Русского языка почти не знали, но с оханскими воспитанниками нашли общий язык и даже крепко подружились. Вместе пели «Катюшу». Когда настало время уезжать, некоторые из них плакали.

В годы войны ребята третьего детского дома написали письмо маршалу Жукову на фронт. Рассказали в нем о своих делах, в том числе, о работе в госпитале, о том, что помогают ухаживать за ранеными. А дальше написали, чтобы отомстили врагу советские солдаты за погибших отцов, матерей, братьев. Почему писали именно Жукову? Шел 1943 год, в войне произошел перелом, советские войска гнали с родной земли вероломных захватчиков, и имя военачальника Жукова, возглавлявшего наступление, было на слуху.

Они получили ответ. Читали его по всем интернатам. Так завязалась переписка. Писал ответы ребятам, вернее всего, не сам Георгий Константинович, но главное – письма приходили из штаба Жукова. В конце войны воспитанники попросили маршала разрешить дружке носить его имя. И, получив согласие, стали гордо звать себя жуковцами. А после войны от Г.К.Жукова был получен неожиданный подарок. Осенью 1945 года в Оханский детский дом №3 прибыла делегация из трех офицеров. Отрекомендовались: от маршала Жукова! В детдоме срочно объявили сбор пионерской дружины. На нем и был вручен подарок – баян! «Есть среди вас баянисты?»- спросил офицер. Ребята оробели и молчали. Тогда он сам взял в руки баян и заиграл «Марш артиллеристов»...

Прошли годы, но этот музыкальный инструмент долго жил в детском доме. Много лет пели воспитанники песни под аккомпанемент баяна, подаренного Маршалом Советского Союза Г.К.Жуковым.

И еще был случай, связанный с именем известного военачальника. А началось все с того, что командир отделения разведчиков 308 артполка старший сержант Валентин Моисеев в 1943 году увидел в полуразрушенном, полусгоревшем доме села Извекова Смоленской области маленькую девочку лет двух-трех. Она чудом осталась в живых после зверств

отступающих фашистов, которые все население этого села угнали в Германию, а село подожгли. Кто знает, может быть, мать, предчувствуя свою гибель, сознательно оставила малышку в доме, где не бушевал огонь, надеясь, что ребенка подберут наши части и она останется жива? Этого уже не узнать. Но раз впоследствии никто не искал малышку, родные ее, видимо, действительно, погибли. Сержант взял девочку на руки и стал кормить ее из своего солдатского котелка. И даже не обратил внимание на то, что их сфотографировал военный корреспондент. Затем он передал ребенка в Смоленский эвакупункт, записав ей имя, как и свое, - Валя. А фамилию поставили - Неизвестная.

Первым в послевоенных «Известиях» увидел снимок своего отца с девочкой его сын Саша. «Где ты, солдат, спасший девочку Валю?» писала газета. Война пощадила Моисеева. Окончив войну в Германии, он жил в Калуге, работал на заводе. Но выжила ли Валя? Стали ее искать. С подобной судьбой оказались две девочки, и одну по фотографии узнал сержант. Это была Валя Жукова. Она была направлена сначала в Осинский дошкольный детский дом, затем – в Оханский третий детский дом. Здесь она росла, училась, с желанием принимала участие в пионерских делах дружины имени Жукова. При получении паспорта ей разрешили взять любую фамилию. И она сделала свой выбор: взяла фамилию и отчество маршала Г.К.Жукова.

После школы Валя Жукова окончила Кунгурское камнерезное училище и уехала по распределению на работу в Донецк. О сержанте Моисееве, спасшем ее, она не знала ничего. Их встреча произошла только в 1966 году. Валю очень тепло приняли в семье Моисеевых, стали звать дочкой. А через некоторое время они, действительно, породнились. Валя вышла замуж за сына Валентина Александровича Сашу, и у них родились дочка Оля и сын Валентин, названный в честь деда – фронтовика.

В детский дом довольно часто приходили письма с фронта. Писали их не только бывшие воспитанники, но и совсем незнакомые люди. К примеру: «Здравствуйте, юные коммунары! Примите наш пламенный боевой комсомольский привет и массу наилучших пожеланий в вашей повседневной жизни и работе...» Далее шли рассказы о своих делах и расспросы о делах ребячьих. Или еще письмо: «Здравствуйте, многоуважаемая Клавдия Владимировна! Командование, комсомольская организация и личный состав части Героя Советского Союза Сутырина благодарят Вас за воспитание стойкого, преданного социалистической Родине патриота, ныне краснофлотца нашей части Марукина Федора Васильевича, находящегося до призыва во вверенном Вам интернате».

Глава 15

Победа. Память

«Первый особенно радостный день был 5 апреля 1945 года, - вспоминала В.Р.Шторц. - Вновь и вновь радио, прервав очередную передачу, предупредило, что ожидается важное сообщение. Было уже поздно, но старшие воспитанники тоже не спали вместе с нами и ждали. И вот Кремлевские куранты начали перезвон. Радио объявило: «Сегодня, 5 апреля, в 24 часа столица нашей Родины Москва будет салютовать нашим доблестным воинам, освободившим Орел и Белград, двенадцатью артиллерийскими залпами из ста двадцати орудий!».

Салютов становилось все больше и больше. Сводки по радио были все радостнее. И вот наступил долгожданный день – 9 мая 1945 года.

О том, что кончилась война, первыми в детском доме услышали няни и повара. Они плакали от радости, целовали друг друга. Поздравляли с Победой.

С подъема детей в детском доме начался праздник. Услышав по радио радостную весть о капитуляции гитлеровской Германии, все сотрудники раньше обычного, нарядно одетые пришли на работу.

По радио передавали песни военных и довоенных лет, марши. Родина ликовала.

В 12 часов дня на городском стадионе состоялся митинг трудящихся. На нем были и воспитанники детских домов, учащиеся школ. Люди смеялись и плакали. Слова ораторов прерывались аплодисментами и криками «ура!». Потом было организовано массовое гуляние, которое закончилось поздно вечером.

Весело было в тот день, и длился он долго-долго. Уже и звезды зажглись на небе, и месяц вышел на дежурство, и ребята уснули в своих кроватях, а в растворенные окна все доносился шум ликующего города».

Итогом работы пионеров и школьников в годы Великой Отечественной войны стал первый областной слет пионеров, состоявшийся 9 июля 1945 года. На этом слете от третьего детского дома присутствовали лучшие пионеры дружины: Дуся Ворошнина и Вася Ханжин. А с ними была их старшая пионервожатая Вера Робертовна Шторц. Делегация привезла домой Почетную грамоту обкома ВЛКСМ, большую библиотечку художественной литературы, новый футбольный мяч.

И еще одно событие этого послевоенного лета 1945-го описала В.Р.Шторц: «И снова звучит пионерский горн, созывая всех пионеров, комсомольцев, октябрят на торжественную линейку. Место ее то же самое, что было 22

июня 1941 года. На линейке присутствуют все работники детского дома, бывшие фронтовики, которые уже вернулись домой, работники райкомов КПСС и ВЛКСМ.

Рвется на туго натянутом фале флаг. Застыл строй пионеров. Стихает барабанная дробь.

- Дружина, равняйся! Смирно! В память погибших в Великой Отечественной войне, бывших воспитанников и работников Оханского детского дома, отдавших свою жизнь за свободу и независимость нашей Родины, спасших мир от фашистской чумы, флаг приспустить!

Медленно поплыл вниз флаг. Тишина. Только ветер гудит. Лица у всех серьезные, напряженные.

Чуть колыхнулся строй. Вышел один. Три шага. Застыл. Тишина.

- Вечная слава героям!

Дрогнули ряды:

- Вечная слава, вечная слава, вечная слава героям!

- Пусть вечно горит огонь памяти в наших сердцах! Пусть вечно горит огонь любви в наших сердцах!

Председатель совета дружины имени Маршала Советского Союза Г.К.Жукова Катя Шокшуева читает рапорт маленьких кузнецов тыла за 1418 огненных дней.

Идем колонной по два. Впереди знамя. Идем к могиле, где похоронены участники Великой Отечественной войны, умершие от ран в госпитале. Идем без песен. Только барабан впереди выбивает дробь. Рядом со знаменем двое седовласых. Совсем недавно они шли в бой. Только тогда за плечами у них были винтовки. И спутники были постарше. Ненамного, правда.

У могилы застыл почетный караул. Салют вам, герои! Тихо говорят седовласые. Говорит директор детского дома. Говорит комсомолец, потом – пионер, октябренок...

Трудно говорить. Трудно вспоминать. Но нужно. Это надо и мертвым, это надо и живым. Тем, кто сейчас склонил пионерское знамя перед могилой бойцов, тем, кто клянется сейчас быть таким же верным, стойким.

Уходит день. Слушают березы песни войны, которые поют наши ребята...».

* * *

Более 500 воспитанников третьего детского дома были участниками Великой Отечественной войны. Многие из них награждены орденами и медалями. Многие не вернулись.

Детский дом гордился такими воспитанниками, как Геннадий Яруничев, награжденный орденом Ленина, Иван Скобелев, награжденный орденом Красного Знамени, Алексей Попов, чью грудь украсили орден Красной Звезды и орден Славы третьей степени, Петр Ерш, награжденный двумя орденами Красного Знамени (посмертно), Иван Лощеновский, награжденный орденом Красной Звезды (посмертно). Их было много, таких героев, вышедших в войну из стен Оханского третьего детского дома.

Глава 16

Майор Вотинова

Приезжала к ребятам на встречи майор Советских Вооруженных Сил, бывшая воспитанница детского дома Анна Николаевна Вотинова (Якович). Она воспитывалась в детском доме Оханского детского городка с 1927 по 1932 годы. Затем окончила медицинский техникум, работала по специальности. В 1944 году ушла добровольцем на фронт. Служила в войсках НКВД по охране особо важных объектов и железных дорог. Затем ее направили на Запад. Приходилось выезжать на оперативную работу по борьбе с бандитизмом. Прослужила в рядах Советской Армии 26 календарных лет и 8 месяцев.

Из воспоминаний Анны Николаевны о мирной жизни: «Летом 1928 года мы выехали в пионерский лагерь в деревню Казанку. Дежурили в избечитальне. Проводили под Красным знаменем громкие читки для крестьян».

**1-й пионерский отряд в Крыму,
справа третья во втором ряду – Аня Якович (Вотинова).**

**майор
А.Н.Вотина**

ян. Строем, с песнями, всем лагерем приходили мы в близлежащие деревни, где ставили спектакли. Семьям красноармейцев, престарелым, крестьянам помогали в уборке урожая. Нашего прихода всегда ждали. Я была звеньевой в отряде».

Из воспоминаний майора Вотиновой о войне:

«...Днем председатель сельсовета дал нам проводника – украинца, который навел нас на банду, а сам скрылся в пещеру. Это произошло при подходе к Карпатам. На нас посыпались снаряды. Старшего сержанта ранило в бедро. Я стала разрывать по шву брюки, чтобы сделать перевязку. Вдруг раненый резко притянул меня к себе. Этим он мне спас жизнь. Оказывается, в меня из снайперской винтовки нацелился немец. Наш офицер выстрелил в него первым и убил. Я сделала сержанту перевязку... Наше подразделение на следующий день разгромило банду. За эту операцию многие солдаты, сержанты, офицеры получили ордена и медали. Меня наградили медалью «За отвагу».

В первые послевоенные годы. Бывшие воспитанники К.В.Костромин, слева направо в первом ряду – Е.Шокшуева, воспитатель г.Оханска, А.Орлов, педагог г.Благовещенска, Ю.Макарова, музыкальный работник г.Перми, К.В.Костромина, воспитатель, И.Неклюдов, водолаз Камской ГЭС, А.Белоглазова, педагог г.Асбеста, Б.Сергеев, агроном, Е.Турицына, педагог г.Оханска, Неля (фамилия неизвестна), В.Котенкова.

Глава 17

Оружейник Надя

Пришла работать во второй детский дом участница войны Надежда Каменских, впоследствии – Ильина. И посвятила всю свою жизнь воспитанию детей, оставшихся без родителей. А именно: воспитанию самых маленьких, дошколят. Сколько им нужно было внимания, заботы! Потом она работала в дошкольном детском доме на Перемке. Впоследствии перешла работать в третий детдом, тоже в дошкольную группу. Там и вышла на заслуженный отдых. Надежду Степановну уважали в коллективе, но далеко не каждый знал, каково ей пришлось на войне. О своем военном товарище, Наде Каменских, написали впоследствии в оханскую районную газету Герой Советского Союза, летчик, командир экипажа 828 части В.Козлов и воздушный стрелок этой части В.Дубогрызов:

**Надежда Каменских
(Ильина)**

«Сейчас мало кто знает, что за должность вооружейник самолета, да еще грозного для того военного времени штурмовика «Ил-2», положившего начало новому классу боевой авиации. Ответственная это была работа – снаряжать самолеты на боевое задание, то есть подвешивать авиабомбы, реактивные снаряды, заряжать пушки, пулеметы. И все это надо было делать быстро, четко, чтобы не сорвать боевой вылет. Механизмы самолета должны были работать безотказно, в противном случае экипаж мог не выполнить боевое задание. Надя Каменских пришла в наш полк как раз в то время, когда мы переучивались работать на «Ил-2». Ее направили в нашу эскадрилью, в наш экипаж, обслуживающий самолет под номером 30. Откровенно говоря, не девичья это была работа. Особенно тяжело было подвешивать бомбы. Ведь их надо было еще подтащить к самолету. Трудно было зимой. В перчатках работать было неудобно, и пальцы рук вооружейников прилипали к металлу.

Боевые вылеты иногда шли один за другим. И вооружейники даже не ходили спать в землянки, на это не хватало времени. Они спали в моторных чехлах самолета, в каптерках, сбитых из ящиков. Вооружейник нес персональную ответственность за каждую бомбу, пушку, пулемет, реактивный снаряд.

Надя работала четко, без суеты, добиваясь, чтобы все вооружение действовало безотказно. После каждого боевого вылета очень тщательно, по несколько раз проверяла замки бомбодержателей, спусковой механизм пулеметов, пушек, реактивных снарядов. И не было ни одного случая, чтобы у нас на самолете отказало вооружение. Все работало, как часы, уничтожая фашистскую чуму.

Когда мы улетали на боевое задание, Надя вместе с механиком и мотористом, прижав стоянку, садились и с нетерпением всматривались в горизонт, откуда должны были появиться наши самолеты. И когда мы проносились над аэродромом, Надя радостно восклицала: «Все в порядке! Прилетели!» И снова начиналась подготовка самолета к боевому вылету. Обычно все работали молча, сосредоточенно. Бывали часто и такие случаи. Самолет подготовлен полностью к вылету. Вдруг поступает приказ: «Заменить бомбы другими». И все начинается заново.

Несмотря на свою тяжелую работу, Надя успевала позаботиться о нас. В часы передышек стирала наше обмундирование, пропитанное потом.

В декабре 1944 года наш 828 Свирский ордена Суворова штурмовой авиаполк закончил в Заполярье боевые действия. Мы сдали самолеты и стали перебазироваться под Варшаву. С Крайнего Севера до Мурманска ехали на автомашинах. Был сильный гололед. Машина, на которой ехала Надя, свалилась с обрыва. Надя получила серьезные травмы, и ее хотели положить в госпиталь. Но она категорически отказалась и осталась в родном полку.

Как-то возвращаемся мы с очередного вылета. Снимаем парашюты. Все вроде бы как обычно. И вдруг смотрим: наша Надя протягивает нам подснежники и поздравляет нас с сотым боевым вылетом. А мы, признаваясь, забыли о том, что делали сотый вылет.

Вот такой был наш оружейник: открытое, приветливое лицо, глаза круглые, живые и такие милые для нас, а волосы вечно в масле. Ведь приходилось лазить по всем люкам, фюзеляжу самолета, ища неисправность или предотвращая ее.

А по вечерам мы собирались в клубе на репетиции художественной самодеятельности полка, которая была одной из лучших в воздушной армии. Надя в ней принимала активное участие».

Глава 18

Алим Паульчук

Из интерната детского дома №3 слышалась музыка. Играл духовой оркестр. Играл «День Победы». Это было накануне праздника Победы в 1981 году. По-видимому, шла репетиция. Мелодия то робко замирала, то, набирая силу, начинала звучать уверенно. И вдруг в распахнувшуюся дверь она выплеснулась на улицу, зазвучала громко, торжественно: «Этот день Победы порохом пропах...». На крыльце стоял мужчина невысокого роста. Седина посеребрила его виски.

Мелодия оборвалась. И в дверях показались недоуменные лица ребят: почему вышел учитель? Может, он увидел что-нибудь интересное? Нет, по дороге проходили мимо обычные грузовые машины. И невдомек было ребятам, что перед глазами их учителя сейчас шли не пыльные грузовики, а пехота. Его родная пехота. И тоже была весна.

- По Днепру шел лед, - вспоминал Алим Карлович Паульчук, руководитель духового оркестра детского дома. - А нашей минометной роте нужно было на тот берег. Начался артобстрел. Плывущего рядом со мной товарища убило осколком снаряда. С трудом удалось спасти миномет. Какой бы я был солдат, если бы вышел на берег живой, но без оружия?!

А войну я начал под Москвой. Потом был на Брянском направлении. Затем Украинский фронт. Освобождали Донбасс, Николаев, Одессу. Наши части гнали врага в Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии, Австрии. Длинная у меня получилась фронтовая дорога.

На груди фронтовика три ордена: Славы третьей и второй степени и Отечественной войны второй степени, две медали «За отвагу». Спрашиваю, когда ему был вручен первый орден Славы.

- Это было весной 1944 года. Только что освободили Одессу, - рассказывал мой собеседник. - Пехота устала, особенно мы, минометчики. «Да что же вы все на руках тащите? - остановила нас какая-то женщина, - немцы повозки вон там оставили, берите!». Командир расчета и я подошли к сараю, на который указала женщина. Распахнули двери, а за повозками немцы. У меня в карманах были гранаты. Все решило мгновенно. «Хенде Хох!» - закричал я и бросил одну, потом вторую гранату. На

Воспитанник детского дома, участник Великой Отечественной войны
А.К. Паульчук (справа) с
фронтовыми товарищами.

секунду мне помедлить – и были бы мы с командиром срезаны автоматной очередью. Немцы были вооружены. Кто знает, может, они думали, что нас не двое, а целая рота. Держались-то мы уверенно. Сопротивление было сломлено, оставшиеся в живых фашисты сдались. Мы захватили 12 повозок с оружием, боеприпасами и продовольствием. Командование нас представило к награде.

А второй орден Славы был вручен мне за освобождение румынских, болгарских, венгерских, югославских городов и населенных пунктов, за уничтожение большого количества живой силы противника.

Про третий орден в орденской книжке записано: «За отражение многочисленных атак противника и удержание плацдарма».

- Много моих товарищей полегло тогда,- вспоминает Алим Карлович.- Наша рота оказалась в неудобной позиции. Местность была неровная и открытая. Наверху возвышенности были фашисты, а внизу – мы. Силы противника в несколько раз превосходили наши. И вот видим: ряды бойцов роты, стоящей перед нами, сильно поредели. «Теперь наша очередь умереть за Родину», - решили мы. Все реже и реже били наши минометы, не хватало снарядов. Враг не давал передышки. Мы под непрерывным огнем противника стали подтаскивать снаряды от замолкнувших впереди минометов. И отбили врага. Отстояли».

Неоднократно был Паульчук ранен. Но в госпиталях лежать не приходилось. Все только в медсанбатах, и снова в часть. Тяжелое ранение в голову было под Воронежом. Но и тут не пришлось солдату лечиться. Он потерял сознание. А очнулся – в плену у немцев. Рана зажила так, организм был молодой, крепкий. А было-то всего Алиму тогда 20 лет. Только стал себя получше чувствовать – решил бежать. Поймали его. Скрутили руки за спину и на них подвесили. От боли солдат несколько раз

терял сознание, но его обливали водой. Потом снова лагерь. И снова побег. На этот раз удался. Алим перешел линию фронта и попал в свою родную пехоту. А от фашистского лагеря остался след на всю жизнь: руки высоко поднять не мог – были вывернуты.

Воспитанник детского дома, он поступил в военное музыкальное училище. Из него в 1941-м ушел на фронт. Но в войну не пришлось быть армейским музыкантом – нужно было с оружием в руках защищать Родину. А когда закончилась война, музыка вновь вернулась в жизнь солдата. Стал старшиной музвзвода. Служил два года сверхсрочно. И только в конце 1947-го демобилизовался из рядов Советской Армии. Решил ехать в Оханск, потому что здесь Алим Карлович родился, надеялся найти кого-нибудь из родных. Не нашел. Но зато появилась у него другая семья – большая, разноголосая. Паульчук стал работать музыкантом в Оханском детском доме. И так всю жизнь.

Кстати, когда ехал домой из армии, то вез с собой большой и тяжелый чемодан. Благодарности от Главнокомандующего армией, ордена занимали немного места, а остальное – были ноты. Что ни говори, а в душе Алим Карлович всегда был армейским музыкантом. Доучиться ему помешала война. Но музыку в нем не смогла убить.

И снова в детском доме заиграл духовой оркестр: «Этот день мы приближали, как могли...». Партию к этой песне Паульчук писал ночами. Она была готовая, но только для игры на пианино, а надо было для духового оркестра.

А.К.Паульчук

Ночами Алим Карлович работал нередко. Как он говорил, ночью музыку слышнее. У него много было написанных самим партитур. Бывшие его ученики порой обращались за помощью к своему учителю. А их было много. Около семисот ребят выучил он игре в духовом оркестре. Конечно, не все учились в этом направлении дальше. Но такие, как Михаил Костырев, Владимир Федотов, Амир Хамедуллин, посвятили себя музыке. Некоторые из них, например, Валерий Данко, стали, как их учитель, армейскими музыкантами.

Глава 19

Фронтальная медсестра

В апреле 1939 года пришла работать в третий детский дом на должность медсестры Клавдия Андреевна Казымова (не один год там работала медсестрой Ю.Л.Глекина, а фельдшером – Зеленин). В войну ушла на фронт. После демобилизации из армии в ноябре 1945-го 28 лет, до выхода на заслуженный отдых, проработала медицинской сестрой в Оханском детском доме. В то время она уже была Еловикова. Очень ответственно относилась к своим обязанностям. Любила ребятишек, и всегда ей хотелось видеть их веселыми, здоровыми. А они любили расспрашивать ее о войне.

Эвакогоспиталь, где несла свою службу медсестра Клавдия Андреевна, следовал за фронтом, останавливаясь в 12 километрах от передовой. Особенно трудно, по воспоминаниям женщины, было в городе Бельцы. Ежедневно бомбили. Ночью поспать не удавалось. Раненых подвозили очень много. Стояли обозы с ними. Медработники не успевали их обрабатывать, сортировать по отделениям. Еловикова слышала их сто-

ны, не было сил видеть их страдания. «Иногда не выдержишь, отойдешь в сторону, поплачешь и снова бежишь к ним, стараешься помочь, чем можно; все силы отдаешь, только бы спасти им жизнь», - рассказывала Клавдия Андреевна.

В Бухаресте она работала старшей медсестрой отделения для выздоравливающих на 220 коек. Оттуда после лечения бойцы вновь уходили на фронт. Не забывалась ей

К.А.Еловикова (справа)

одна ночь, когда госпиталь пытались взорвать. Уже кругом все заминировали. Но удалось быстро разоблачить врагов и вовремя разминировать здание. Все остались в живых.

- Сестрица, подойди! Милая, помоги повернуться на бок! – сколько раз

слышала она эти слова. За всю ночь ни разу отдохнуть не присядет.

- Послушайте!- вдруг поднял руку в знак внимания врач.

В одной палате бойцы пели украинскую песню. Тихие, задушевные слова ее проникали в самое сердце. Неподвижно стояла, опустив усталые руки, Клавдия Андреевна. Одна за другой катились по лицу слезы. За работой ни о чем не успевала подумать, а тут вдруг вспомнилось все. Вспомнилось, как уходили на фронт муж, братья. В 1943-м мобилизовали и ее. Вспомнилась первая бомбежка. Поезд стоял на какой-то большой станции, когда послышался гул самолетов и частые взрывы. «Спасайтесь! Быстрее!»- крикнул кто-то. Она выбежала в поле, изо всех сил прижалась к земле. Раздался сильный грохот. Молодая женщина оглянулась. Ни станции, ни людей, сновавших взад-вперед, не было. Высокое пламя поднималось в том месте... Вот она, война, о которой она много рассказывала детям и никогда не могла рассказать всего, потому что невозможно было передать словами боль утрат, страдания раненых, искалеченных людей, слабость и силу человека против страшной и бездушной машины войны.

К.А.Еловикова (слева), Т.И.Писаревская, З.М.Пешехонова

Глава 20

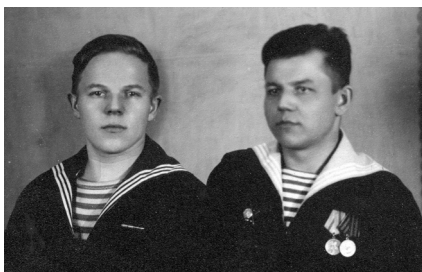
Они вернулись

В июне 1942 года из села Таборы ушла на фронт воспитатель дошкольного детского дома на Перемке Анна Ивановна Еловикова. О ней рассказала в районной газете Е.Яблокова, член областного совета ветеранов войны: «Анна Еловикова проходила военную службу в качестве связиста и старшего топографа на Втором Украинском фронте. Молодая девушка в свои 20 лет испытала и обстрелы, и бомбежки, и даже угрозу быть в окружении гитлеровцев. Однако, благодаря смелым и решительным действиям наших войск, через сутки атаки неприятельских войск были отбиты... Особенно запомнился жестокий бой под Кривым Рогом. Анна обеспечивала связь и готовила топографические данные. Это была очень сложная работа, требующая знаний, хладнокровия, мужества и отваги. За ратные дела в корпусе связи командование наградило А.И.Еловикову боевой солдатской медалью «За отвагу».

* * *

Невозможно рассказать обо всех воспитанниках, воспитателях, других сотрудниках детских домов Оханского района, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны. Но все они защищали Родину, не жалея своей жизни, насмерть стояли за каждую пядь родной земли. Многие не вернулись. Вечная им память! А кто вернулся, приступил к мирной работе. Так, пришел домой командир Красной Армии Павел Иванович Кондрашов. Работал директором детского дома №2. Затем вместе с семьей (жена Фаина Ивановна, воспитатель, сын) уехал в Соликамск и там возглавлял некоторое время детский дом. Был незаслуженно обвинен в ряде недостатков. Отстаивал правду, обращался даже в Москву. Но, видимо, не смог доказать свою правоту, и Кондрашовы уехали из Пермской области.

Александр Сергеевич Ходырев, бывший юнга, в годы войны храбро

**Александр Ходырев
и Валентин Бобров, 1946 год**

сражался на море. Затем вернулся на Урал. Жил в Перми, работал на железной дороге, был передовиком производства. Ему присвоено высокое звание «Почетный железнодорожник», он награжден орденом Трудового Красного Знамени. Валентин Владимирович Бобров, тоже после школы юнг, после демобилизации жил и трудился в Днепро-

зержинске, работал в производственном объединении «Брянский машиностроительный завод». Дизелист шестого разряда, он руководил монтажом и наладкой дизелей, был высококвалифицированным работником. Иван Васильевич Неклюдов, опять же из семьи юнг, службе на флоте отдал восемь лет. После демобилизации вернулся в наши края, работал водолазом Камского речного пароходства. А именно: трудился на строительстве и эксплуатации Камской ГЭС. Старшину водолазной станции Ивана Неклюдова знали как мастера своего дела, готового пойти на выполнение любого трудного задания. О его мужестве и отваге в мирное время на трудовом посту неоднократно писали областные газеты.

А какова была судьба девочки Гали Ваулиной, прибывшей в детский дом в войну из Калининской области и от пережитого забывшей свое имя? «Работали мы тогда много,- вспоминала впоследствии Галина Ивановна Игошева,- и за ягодами ходили, и за вениками. В огороде сами все выращивали для нашего дома. Тяжело бывало,

**Иван Примук,
1976 год, г.Львов**

но работали весело, сообща. Одной воды рано утром с колодца надо столько было перетаскать, чтобы полить капусту! И пол мыть в интернате получалось делом нелегким. Он был дощаной, некрашенный. Терли его мочальным вехтем». Осталось в памяти, как осенью в бочках солили капусту, а зимой по три раза в день ходили в лес за сучками, чтобы топить ими печи, так шла экономия дров в то тяжелое время. А когда кто-то из ребят дежурил на кухне, им приходилось таскать по 40 ведер воды из колодца.

- Пусть жили мы совсем не богато,- говорила женщина,- я бы не сказала, что было плохо. Не было у нас и одежды модной, и красивых комнат, как в нынешнее время. Но мы не горевали. На какие интересные массовки ездили летом! Часто в выходные отдыхали на Очере. Он тогда был очень красивым, еще не разлившимся. Играли, купались. Было весело и празднично.

В 1948 году Галя стала выпускницей детского дома. Было ей тогда 14 лет. Направили в лесничество. Но работа в лесу оказалась не по силам маленькой и довольно слабой здоровьем девчужке. И она вернулась в детский дом. Стала работать здесь: подменять нянечек, воспитателей. Но душа лежала больше к поварскому делу. Попробовала поучиться у знакомых поваров. Понравилось. Со временем стала заменять отсутствующих по какой-либо причине работников детдомовской кухни. А потом самостоятельно начала там работать. До замужества и жила при детском доме. Со временем стала шеф-поваром. Свою профессию любила, старалась приготовить ребятам что-нибудь повкуснее. А воспитанников было более трехсот человек. Подолгу задерживалась Галина Ивановна на работе. Хотя смена начиналась в 4 часа утра.

С 1987 года - на заслуженном отдыхе. Оханск стал ей родным городом. Здесь вышла замуж, здесь выросли два сына. А о своих родных так и не удалось ничего узнать. Пыталась, было, брата искать, след которого потерялся еще тогда, в детстве, но как искать, если она не помнила и не вспомнила, настолько было сильно потрясение, ни фамилию свою, ни имя, как свое, так и брата?

Глава 21

«Какими мы стали»

В 1989 году в Оханск из города Таруса Калужской области приезжала бывшая воспитанница третьего детского дома З.Арутюнова (Кухаренко). Свои воспоминания, впечатления, мысли она постаралась вложить в письмо, которое адресовала в Оханскую районную газету «Знамя коммунизма»:

«В этом году я посетила город своей юности, убежище жестоких лет войны – Оханск.

Через 43 года произошла эта встреча, так ожидаемая, выношенная в мечтах и кажущаяся неосуществимой, отодвигаемая с каким-то суеверным страхом на потом. Страшно было не найти знакомые черты, памятные места и чувство защищенности, которые вселил этот город на всю оставшуюся жизнь. Город – это люди, а потом уже строения и природа.: полноводная Кама, изумительной красоты перелески и взгорки.

Сейчас, когда пришла пора мудрости, часто оглядываешься назад. Кажется, что все это было со мной вчера.

Люди... Мои добрые воспитатели и учителя, мои заботливые одноклассники. Именно добрые – это главное, что осталось в памяти и сердце. И кому, как не мне, сказать слова благодарности Раисе Дмитриевне Сартаковой – воспитательнице детского дома. Что было главным в ее характере? Пожалуй, доброта. Раиса Дмитриевна – энергичная, деятельная, по-дружески близкая и доступная, с ее изумительной красоты голосом, способная и на суровую отповедь, и на дружеский розыгрыш, всегда рядом, всегда вместе с нами, без выходных и праздников, в нашем деревянном интернате, что был на улице Советской на выходе из города. Это была ее работа. Но разве можно назвать будничным словом «работа» эту все поглощающую заботу о тридцатиглавой семье, где каждому хочется прикоснуться к ласковой руке, заслужить улыбку, получить одобрение и поддержку. Доброта – это красота души. Рядом с ней хочется совершать хорошие поступки. Наверное, такие женские

характеры были на русской земле во все времена: и простить умели, и понять, и помочь, и пожалеть. Огромной душевной щедрости человек.

Вера Робертовна Шторц – в то время старшая пионервожатая. Сколько времени она отдавала детям! Ни одного громкого или гневного слова. Человек большой педагогической выдумки и такта.

Елена Васильевна Аликина – моя учительница и классный руководитель. Спокойная речь, уважительные интонации, тихий голос. Постоянная доброжелательность, внимание к вопросам, интересующих ребят, готовность помочь привлекали к ней наши сердца. Хочу почтить светлую память других моих учителей: Ксении Григорьевны Дедик, так много вложившей сил и труда, чтобы научить нас видеть и понимать прекрасное; Сергея Григорьевича Глазырина, доброго, спокойного, терпеливого – этих прекрасных подвижников педагогического труда, сумевших нас научить и вдохнуть искру жажды познания в самые тяжелые годы нашей страны, при отсутствии учебников, тетрадей, при полуголодном существовании всех нас. Не случайно из двадцати моих одноклассников, выпускников 1947 года, шестнадцать получили высшее образование (возможно, это касается и остальных четырех, но о них, к сожалению, ничего не знаю).

Пишу эти строки с нежностью, как можно писать только о близких людях. Низкий поклон живущим и незабвение ушедшим за щедрость души, за тепло рук, понимание ребячьих радостей и невзгод, умение вдохнуть веру и оптимизм, отвести беду.

О себе: в Оханской средней школе окончила девять классов, была секретарем школьной комсомольской организации. В 1946 году эвакуировалась в Смоленскую область. Окончила в 1953 году Ленинградский государственный педагогический институт иностранных языков по специальности французская филология. Проработала учителем средней школы 39 лет».

* * *

А вот еще письмо, пришедшее в детский дом от Галины Михайловны Старостиной (Мустафиной), выпускницы 1954 года:

«Нашу группу из дошкольного детского дома поселка Перемки привезли в Оханск в детский дом №3 летом 1943 года. На всю жизнь запомни-

лась передача меня из рук очень любимой воспитательницы дошкольного детского дома Анны Ивановны в руки будущей моей любимой воспитательницы Зинаиды Ивановны Желваковой. Анна Ивановна, передавая меня, сказала: «Эта девочка хорошо поет». На вопрос Зинаиды Ивановны, какая у меня любимая песня, я ответила: «Играй, мой баян!». И спела один куплет. И так я пропела десять лет в детском доме и в школах – начальной и средней. Помню, как меня первый раз вывели на сцену в начальной школе, поставили на табурет, и я исполнила песню «Живет у нас котенок»... Моя концертная форма состояла из голубой трикотажной майки и черных сатиновых трусиков.

Неизгладимые впечатления остались в памяти о пионерской жизни нашей дружины имени Г.К.Жукова. Самый торжественный момент был - вступление в пионеры. А какими яркими и тоже торжественными стали для нас веселые пионерские сборы с концертами, пионерские костры на берегу реки Камы, на Зеленой горке! Мы всегда радовались приезду в детский дом бывших воспитанников, ставших военными, матросами, врачами, таких, как Алексей Попов, Александр Ходырев, Иван Неклюдов, Евдокия Ворошнина. Мы хотели стать такими же, как они.

В 1953 году шефы нашего детского дома (Камское речное пароходство) организовали замечательную экскурсию на пароходе «Иосиф Сталин» по реке Каме от города Молотова (Перми) до Москвы. На пароходе мы познакомились с писателем Евгением Пермяком, который потом приезжал к нам в Оханск. Поездка оставила неизгладимое впечатление. Мы очень подружились с коллективом парохода.

С детства нас приучали к физическому труду. Мы сами пилили и кололи дрова, ухаживали за домашними животными. В каждом интернате были огороды. Работали на полях, засеянных зерновыми культурами. Сажали картофель, занимались прополкой и окучиванием. Летом ходили в лес за сучьями для топки, причем босиком, за ягодами. Нам нужно было сделать определенную норму, чтобы повара смогли заготовить варенье на зиму. Любовь к сбору ягод у меня сохранилась до их пор. Я стараюсь, когда есть возможность, сама собирать ягоды и грибы, а не покупать на рынке.

До сих пор перед глазами стоит картина: мы по колено стоим в холодной

**Слева первый – Е.Пермяк, в середине – капитан «Иосифа Сталина»
А.А.Пятлип, справа (с косами) Галя Мустафина.**

осенней воде, вытаскивая бревна на берег реки Камы, запасая их на зиму. Труд нас только закалил. Нас научили вязанию кружев крючком, на спицах, художественной вышивке крестиком и гладью, работе с лентой, из которой делали портреты и картины цветов. Все это очень пригодилось в жизни.

Несколько лет я была председателем совета отряда, потом – председателем совета дружины. В пионерской работе большую помощь нам оказывала старшая пионервожатая Вера Робертовна Шторц, но и спрашивала строго за то, что мы мало уделяли внимания учебе младших воспитанников. Нас научили ответственности за себя и младших товарищей, за всех, кто живет рядом с нами.

За все доброе и хорошее я очень благодарна Вере Робертовне Шторц, Клавдии Владимировне Костроминой, Сусанне Афанасьевне Киселевой, любимым воспитателям: Нине Ивановне Ждановой, Ираиде Григорьевне Поповой, Зинаиде Ивановне Желваковой, Александре Никифоровне Клепиковой, музыкальному работнику Леонилле Ильиничне Ермаковой, поварам – Анне Ивановне Силиной и Галине Ивановне Игошевой

(Ваулиной). Особая моя благодарность Милентине Павловне Левитиной, директору детского дома, и воспитательнице Александре Сергеевне Пылковой за то, что они дали мне возможность окончить сначала семь классов, а потом и десять. И у меня, во многом благодаря этому, сложилась жизнь такой, о которой я мечтала в детстве. Я получила музыкальное образование. А могла моя жизнь сложиться по-другому, так как после шести классов меня направили в ремесленное училище города Перми из-за неприязни ко мне одной воспитательницы.

В настоящее время я живу в городе Йошкар-Оле Республики Марий Эл и работаю во Дворце культуры имени В.И.Ленина руководителем народного хора ветеранов войны и труда, которому в 2008 году исполняется 50 лет.

С уважением

Галина Старостина (Мустафина), заслуженный работник культуры Республики Марий Эл. 4. 07.2007».

* * *

Трехлетней девочкой привезли в дошкольный детский дом в военном 1944 году Алю Копытову. Когда наступила пора идти в школу, ее перевели в Оханский детский дом №3. Она воспитывалась вместе с Любой Ехлаковой, Галей Хомяковой, Валей Бурдиной, Машей Бурдиной, Стешей Носковой, Лидой Жулановой, Надей Михайловой, Володей Муштуковым, Ритой Обориной, Валей Щукиной, Любой Заруцких, Женей Дерлюк, Леней Нечаевым. В год 75-летия Оханского детского дома (1983-й) Алевтина Владимировна Копытова, а вернее уже Долганова (по мужу) поделилась своими воспоминаниями о годах, прожитых в детском доме:

«В первом классе нам, всем детям, давали рыбий жир; кто-то пил его хорошо, а кто-то – с трудом... Помню, с Клавдией Иванов-

Аля Копытова

ной мы доили козу, которая зашла к нам в ограду, и все мы потом попробовали помаленьку козьего молока... Зимой, после выполнения домашнего задания, катались на санках и на лыжах. Летом часто ходили на Каму и купались до посинения; играли в игры цепи-цепи, лапта, вышибало, прятки. После окончания учебного года весь детский дом выходил на реку Очер, с питанием, с утра и до вечера. Очер был узкий, и местами его можно было переходить вброд. Но местами было глубоко. Помню, я спасла девочку, звали ее Вера, а фамилию не помню, это было уже в год моего выпуска из детского дома...».

Аля окончила восемь классов, затем, вероятно, была направлена в одно из ПТУ. Профессия ее – печатник. Работала на Пермской печатной фабрике Гознак. Вместе с мужем вырастили двоих дочерей.

В годы Великой Отечественной войны остался без родителей Боря Суменков. Совсем маленьким он попал в дошкольный детский дом, расположенный недалеко от Краснокамска. Потом еще один детский дом. В 1947 году, десятилетним мальчиком, поступил в Оханский детский дом №3. В нем он прожил пять лет. А затем, видимо, как в те годы чаще бывало, его выпустили после семилетки в училище или ФЗО. Начал рано работать. И только после службы в армии Борис смог получить среднее образование. На этом не остановился. Поступил в Уральский университет и успешно его окончил. С 1972 года работал редактором в городе Пласт Челябинской области. Оттуда Бориса Григорьевича Челябинский обком КПСС рекомендовал на учебу в Горьковскую высшую партийную школу на двухгодичное газетное отделение. В 1977 году Суменков получил второй диплом о высшем образовании. В этом же году он приехал повидаться с Оханском, городом своего детства. Зашел в редакцию местной районной газеты «Знамя коммунизма». Оказалось, он пишет рассказы. В частности, о жизни в детском доме, о детях. Рассказы, которые он привез с собой, («Цветы писателю» и «Разъездной воспитатель») всем в коллективе редакции очень понравились, и решено было их опубликовать в газете. Так, оханские читатели познакомились с писателем Борисом Суменковым, бывшим воспитанником Оханского детского дома №3.